

Алексей
АТЕЕВ

«Скорпион»

*Нападает
первым*

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Алексей Атеев

«Скорпион» нападает первым

«ЭКСМО»

1999

Атеев А. Г.

«Скорпион» нападает первым / А. Г. Атеев — «ЭКСМО», 1999

© Атеев А. Г., 1999

© ЭКСМО, 1999

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	35
Глава 7	43
Глава 8	49
Глава 9	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Алексей Григорьевич Атеев

«Скорпион» нападет первым

Все коллизии и персонажи литературного произведения вымышленны. Любое сходство с конкретными событиями и людьми чисто случайно.

Часть I

БЕГУЩИЙ ЧЕЛОВЕК

Глава 1

ДЕЗЕРТИР

Косте снилась смеющаяся собака. До сих пор он и не предполагал, что собаки умеют смеяться. В их доме никогда не водилось животных, разве что мыши... И только тут, в Чечне, Костя обнаружил, что собаки, как люди, могут смеяться, плакать, злиться, ревновать... Нужно только присмотреться к ним.

Возле блокпоста царила распутица. Выпавший ночью снег обернулся слякотью, лишь кое-где оставались белые, чистые заплатки, пересеченные следами колес и сапог, но и они понемногу темнели, превращаясь в слезливые лужи.

Собака прибилась к ним несколько дней назад. Это была немецкая овчарка, невероятно худая, с вытертыми боками и свалявшейся на загривке шерстью. Днем она крутилась около блокпоста, а по вечерам убегала куда-то, видать, пряталась в развалинах. Пса подкармливали, все-таки живая тварь. Вот и сейчас Костя вынес из блокпоста банку с остатками тушенки. Собака пристально смотрела в глаза Косте, виляла хвостом, обнажала желтые клыки, отчего и казалось, что она смеется. Костя выскреб штыком остатки тушенки и бросил перед ней.

– Ты опять дуру гонишь! – услышал он позади голос прапора. – Самим жрать нечего, а вы эту тварь кормите! – «Совсем как моя мать, – пронеслось в голове. – Тоже каждую крошку считает».

– На кой хрен тебе эта псина?! Откуда ты знаешь, может, ее специально подослали.

– Кто подослал? – не понял Костя.

– Кто-кто? Чичики! Вот вы ее прикармливаете, приручаете, так сказать, а им только того и нужно. Привяжут к ней взрывчатку с радиоуправляемым запалом – и привет! Въехал, салага?!

Прапор поднял «АК».

– Не надо, – попросил Костя.

– Надо, Федя, надо! – осклабился прапор. – А интересно, если по ней из подствольника долбануть?

Раздалась короткая очередь. Собака дернулась и завалилась на бок, засучила лапами, но через несколько секунд вытянулась на грязном снегу и затихла, только слабая дрожь время от времени пробегала по развороченному пулями туловищу.

– Вот так, – сплюнул прапор, – пишите письма... – Он вновь повел стволом. Банка из-под тушенки, подброшенная выстрелом, взвилась в воздух и отлетела далеко в сторону. На звуки выстрелов из блокпоста выскочили ребята с автоматами в руках. Увидев убитую собаку, остановились в недоумении.

– Зачем? – спросил сержант Белов.

– Кончай базары разводить! – оборвал его прапор. – Зачем, почему?! А зачем мы вообще здесь сидим?

Костя смотрел на мертвое животное, и к горлу подступал ком. Вся бессмысленность происходящего воплотилась в эту минуту в убитом псе. Действительно, зачем все? Зачем блокпост с закопченными стенами, вонючими нарами, зачем слякотная дорога, народ, безотрывно и уверенно смотрящий в глаза под дулами автоматов, кричащий: «Аллах акбар» и поднимающий над головой растопыренные буквой «V» пальцы?

Сон внезапно прервался. Костя дернулся и открыл глаза. Никакого блокпоста, кошмар давно кончился. Он дома! Дома!!!

В прихожей продолжал дребезжать звонок. Костя хотел встать, но вспомнил... В дверь заглянула мать. Ее лицо побелело, испуганные глаза шарили по комнате.

– Лезь под кровать! – скомандовала она. – Лезь, кому говорю! – затем бросилась к входной двери.

Звонок продолжал трезвонить, но мать не открывала, видать, изучая звонившего в дверной «глазок».

В дверь замолотили ногами. Звякнул открываемый замок.

– Ты чего хулиганишь?! – заорала мать.

– Тише, тише, тетя Паша, не надо кричать, – услышал Костя вроде бы знакомый голос, – Костя дома?

– Какой Костя?! Он в армии! Или ты не знаешь?! – мать продолжала говорить повышенным тоном, но как-то неуверенно, плохо скрывая испуг.

– В армии, – хмыкнул вошедший, и по этому хмыканью Костя узнал гостя. Зуб! – Не надо, тетя Паша. От народа правду не скроешь. Привезла ты его из Чечни. Еще в понедельник. Или не так? Дезертира скрываешь? – хохотнул Зуб.

– Ты чего мелешь, – мать, видимо, хотела крикнуть, но голос ее внезапно охрип.

– Кончай, тетя Паша. Где он у тебя прячется? Давай показывай своего солдатика. Обнять хочу братана. Молодец! И ты молодец, что парня своего вызволила из этой мясорубки. Не бойся, не заложу. Не затем пришел.

– А зачем? – не отставала мать.

– Ему скажу. А ты, того... Зря боишься. Таких, как твой Костя, сейчас полным-полно. Военкомат на них уже рукой махнул.

Мать, видать, не знала, как себя вести. Она громко сопела, переминалась с ноги на ногу. Костя отчетливо слышал скрип половиц под грузным телом.

– Костярин, где ты? Неужто под койкой ховаешься?! Вылезай, братан. – Край покрывала приподнялся, и Костя увидел веселое лицо Зуба. – Ну ты даешь, холера! Под койку залез! А если б участковый?! Представляю, вытягивает тебя на свет божий. Картина работы неизвестного художника.

Костя вылез из-под кровати и уныло глянул на неожиданного визитера. Ситуация действительно выглядела глупо.

– Ну, здорово? – Зуб протянул руку, хотел было обнять, но, обнаружив, что Костя весь в пыли, передумал.

– Экий ты, как чушок. Иди отряхнись. И возвращайся скорей, разговор есть.

– Ты его гони! – шепотом внушала мать, – не нужны тебе такие друзья. Про него нехорошее рассказывают.

– Ладно! – отмахнулся Костя и пошел в комнату.

– Ты извини, что явился без приглашения, – серьезно сказал Зуб. – Но пришел я не просто так, а по делу.

– Ага?

– Да, по делу... – Зуб как будто не знал, что говорить дальше. – Ты так под кроватью и будешь скрываться? – неожиданно спросил он. – Долго не высидишь, – авторитетно заметил Зуб. – Или с катушек съедешь, или повесишься. Документы у тебя есть?

– В части остались.

– А «военный»-то хоть с собой?

– Выкинул я его. Еще в Чечне! Мать посоветовала.

– Ну вы даете! И чего же думаешь?

– Не знаю. Хочу пойти повиниться, да мать не пускает.

– Повиниться? Да ты, в натуре, лох. В дисбат захотел? Это они быстро спроворят.

– Да как же?... Дисбат... Мать говорила, вроде бы тем, кто из Чечни бежал, поблажка.

Отправят дослуживать в обычную часть...

– Наивный. Специально такие понты пускают. Чтобы, значит, лохи, вроде тебя, верили и как кролики в военкомат перли. Усек?

Костя пожал плечами.

– Не веришь? А ты пойдись!

– Что же делать?

– Да лучше всего уехать из города. Ксиву справить и уехать.

– Ксиву?

– Ну, паспорт. Еще какие-нибудь документы. Сейчас сам черт не разберет, что творится, все перемещаются туда-сюда. Беженцы, бомжатники... На вокзалах, что твой цирк.

Костя молчал, понимая: Зуб чего-то от него хочет, просто так ничего не сделает, не такой человек. Видно, при матери говорить не желает.

Мать переводила взгляд то на сына, то на гостя, веря и не веря, нутром чуя: сейчас нужно хвататься за любую соломинку.

– Хорошо, тетя Паша, – прервал молчание Зуб, – дай мне фотографию твоего красавца, наверняка остались. На паспорт фотографию...

– Документы подделывать? Это же статья?!

– А дезертирство – не статья? Да черт с вами! Я пошел. Хотел как лучше... – Зуб сделал вид, что двинулся к выходу.

– Постой. Сколько же ты за паспорт возьмешь?

– Сказал же, ничего не возьму. По старой дружбе.

– Ладно, поверим, – мать поспешно вышла из комнаты.

– Ты, Костярин, не волнуйся, все будет о'кей! – громко произнес Зуб, а потом добавил шепотом: – Конечно, разговор наш не окончен. Приходи сегодня вечером, как стемнеет, в старый парк, помнишь, где собирались? За бильярдную. Там и добазаримся окончательно. Въехал? Только не светись. Обязательно приходи. Не пожалеешь.

– Вот карточка, – сказала мать, входя в комнату, и протянула Зубу фотографию. – Подойдет такая?

– Вполне, – деловито заметил Зуб, – то, что нужно. Ну давай, Костярин. – И он покинул квартиру.

Глава 2 ОСЕЧКА

Костя Самсонов был вполне обычным парнем, каких на российской земле миллионы. Проживал в большом промышленном городе неподалеку от Москвы. Кое-как окончил школу. Пробовал поступить в институт – неудача: грамотешки оказалось маловато. «Или не дали в лапу, кому надо, потому что нечего дать», – как выразилась мать. И в ее убежденности было что-то резонное.

Полгода шлялся, ничем особо не занимаясь, подторговывал на рынке всякой дребеденью, а чаще вообще ничего не делал, повторял, что все равно скоро в армию. То же говорила и мать. «Пусть перед армией погуляет», – объясняла она знакомым.

Про армию писали в газетах, по телевизору показывали разные ужасы, и Косте иной раз становилось страшно, однако он крепился. Вовсе не был он хлюпиком. Высокий, поджарый, довольно много занимался спортом, больше легкой атлетикой, даже спортивный разряд имел по прыжкам в длину. С одной стороны, ему хотелось пойти в армию, проверить, так сказать, свои силы, выяснить, на что способен. Тут как раз началась заваруха в Чечне. Туда он и попал. Первые семь месяцев – учебка, и – вперед, усмирять мятежного генерала Дудаева, как объяснил им ротный.

Про Чечню Костя старался не вспоминать. Но она приходила к нему в тяжелых липких снах, воспаляла сознание, не давала расслабиться.

Он страшно удивился, когда внезапно приехала мать. Произошло это в конце апреля. К нему – он как раз проверял документы у проходящих по шоссе – подошла не то чеченка, не то армянка.

– Видеть тебя хотят, – вкрадчиво шепнула она.

– Кто?! – грубо спросил Костя.

– Павлина Михайловна.

Услышав имя матери, Костя вначале опешил, потом решил, что его пытаются заманить неведомо куда, чтоб прикончить.

– Не бойся, – не отставала тетка, – я правду говорю. Мать твоя сюда приехала, дожидается тебя...

– Чем докажешь? – недоверчиво спросил Костя.

Женщина достала из кармана пальто какой-то предмет, показала парню. Костя узнал чехол для очков, который сам изготовил в подарок матери на 8-е Марта. Кожаный, с выжженным узором. Теперь он поверил.

– Как стемнеет, постарайся выбраться из будки и иди по дороге к городу. Понял? Автомат с собой не бери.

Костя молча кивнул.

Вечером он сделал все в точности, как говорила женщина. Не успел пройти пятьдесят метров, как его догнала машина, которая остановилась рядом. Дверь отворилась, и в потемках он услышал голос матери:

– Костя?!

Еще две недели они добирались до дома.

И вот теперь приход Зуба. К добру или к худу?

В мае темнеет поздно. Костя кое-как дождался ночи, молча оделся и направился к двери. Мать, пока он одевался, беспокойно ходила следом, но ничего не говорила. Время от времени она издавала странный звук: не то кряхтение, не то стон. Костя знал – это признак чрезвычайного волнения.

– Ладно, – наконец сказала она, – иди. От судьбы никуда не денешься. Осторожней, смотри. Дай-ка я проверю, не сидит ли кто у подъезда. – Мать спустилась вниз, минут пять ее не было, наконец вернулась. – Вроде пусто, – и вяло махнула рукой.

Костя пулей выскочил на улицу. Двор был пуст, тусклые лампочки у подъездов освещали мокрый после дождя асфальт. Пахло только что распустившейся листвой, влажной землей и бензином. Костя отошел в тень и некоторое время стоял, вдыхая знакомые с детства запахи, которые раньше и не замечал. Он, в общем, никогда не задумывался над понятием «Родина» и только сейчас внезапно осознал, что для него Родина – родной двор, улицы города, по которым ходил он всю сознательную жизнь, этот весенний запах... Дом, одним словом.

Однако лирическое настроение быстро улетучилось. Костя вспомнил, зачем вышел. Старый запущенный парк, скорее походивший на лес, находился в пятнадцати минутах ходьбы от дома. Некогда в нем кипела жизнь – многочисленные аттракционы привлекали толпы горожан, стояли десятки небольших павильончиков, где продавали пиво и напитки покрепче, здесь чинно прогуливались главы семейств с чадами и домочадцами, а влюбленные парочки искали уединенные уголки. Но время прошло, и парк запустел, заглохли аттракционы, позакрывались павильончики, и только бильярдная продолжала функционировать какое-то время, но вскоре и она рухнула под напором дикой рыночной экономики. Главы семейств предпочитали сидеть дома, у телевизоров, а парочки в заросли ходить опасались. И вполне справедливо. Старый парк стал прибежищем картежных компаний, аренной хулиганских разборок и укрытием для бомжей и мелких уголовников.

Возле бильярдной каким-то чудом уцелел фонарь. В круге света Костя увидел разгуливавшую фигуру. Он подкрался поближе, замер и стал вглядываться в человека. Освещения было явно недостаточно, но Костя разглядел: Зуб!

– Ага, пришел, – Зуб шагнул навстречу, протянул руку. – Нормально, я думал, не явишься, – он неуверенно заозирался. – Никого за собой не привел?

– То есть? – не понял Костя.

– На хвост, говорю, никто не сел?

– Не знаю, – Костя вновь почувствовал страх, который, казалось, прошел, покуда он бежал по знакомым улицам.

– Ладно. Будем надеяться. Паспорт я тебе добыл. – Зуб протянул Косте документ. Костя раскрыл. Его фотография, а вот фамилия...

– Гончаров Константин Кузьмич, – прочитал он. – Год рождения 1976, Саратовская область, Балашовский район, деревня Глубокая. А кто он – Гончаров Константин Кузьмич? – растерянно спросил Костя.

– Да тебе-то какая разница? – досадливо произнес Зуб. – Откуда я знаю. Придурок какой-нибудь из колхоза.

– И что же дальше?

– Дальше? – Зуб задумался. – Дальше, – повторил он и оглянулся. – Как ты сам понимаешь... – он не договорил, вновь оглянулся.

– Чего ты все озираешься? – недоумевал Костя.

– Мало ли, – Зуб, похоже, нервничал. – Что касается дальше, сам решай. Я думаю, лучше всего уехать. В Москву, скажем. А еще лучше в какое-нибудь тихое место... Это уж ты сам кумекай.

– Куда без денег уедешь?

– Да, деньги... – Зуб достал из кармана коробок, кинул в рот спичку. – Деньги можно достать.

– Как это – достать?

– Заработать. Собственно, для этого я тебя и позвал сюда. Есть одна работенка...

– Какая? – насторожился Костя.

- Такая! – отрывисто произнес Зуб. – Работка. Да!
- Ну, не тяни!
- Зуб нервно почесал коротко стриженную голову.
- Убрать нужно одного...
- Чего? – не понял Костя.
- Замочить, одним словом.
- С ума сошел! Я тут при чем?!
- Не ори, – прошипел Зуб. – Чего базар поднял? Тише!
- Тут же никого нет.
- Нет! Откуда знаешь, что нет? Ну так как?
- Убить человека?
- Ага. И за это получишь две штуки баксов.
- Чего? – не понял Костя.
- Две тысячи долларов. Больше десяти «лимонов». На первое время хватит.
- Костя молчал, лихорадочно соображая, как выкрутиться.
- Чего кричишь? – натужно усмехнулся Зуб. – Ты послушай, – доверительно зашептал он, – делов-то. Сейчас на каждом шагу кого-нибудь убивают. Видел небось по телеку. Взрывают, стреляют... И ведь никого не находят. Наикрутейших убивают, и ничего! А тут какой-то поц.
- Кто? – стараясь говорить спокойно, спросил Костя.
- Козел! Из-за бабы хотят его... Повадился к бабе одной шастать. А у нее уже есть... спонсор. – Он хохотнул. – Делец один. Солидный дядя, между прочим. Вот он и хочет убрать конкурента.
- Ну а я тут при чем?
- А ты и уберешь.
- Нет, – сказал Костя, – я на такое не пойду.
- Ты, Костярин, успокойся и подумай, чего теряешь. Дело-то плевое.
- Если плевое, сам и делай.
- Я для этого не гожусь. У меня своя роль. А ты вполне подходишь. Тебя как бы и нет совсем. Сам же сказал: «военный» выбросил. Значит, пропал без вести. В части так и решили.
- А если я объявлюсь? Пойду завтра. Расскажу все, как есть.
- О чем расскажешь?
- Ну, что дезертировал...
- Дисбат!
- Пускай. Зато камень с души сниму.
- С души? Ну, снимай, снимай... Праведник выискался! Дисбат хуже тюрьмы. Там сразу петухом станешь. Но не в том дело.
- А в чем?
- А в том! Если не согласишься... – Зуб выразительно провел ребром ладони по горлу, – вилы тебе. И искать не будут.
- А мать?
- А что мать? – Зуб кашлянул.
- Значит, эдак ты меня! – Костя замолчал, обдумывая услышанное.
- Ты, Самсон, зря мандражируешь. Пойми! Время сейчас такое. Сделаешь дело, и мотай на все четыре стороны. Все очень просто. Да плюс два куска.
- А кто он такой?
- Который?
- Ну, тот, кого нужно...

– А-а. Один... пиковой масти. Армяшка или еще кто. Одним словом, кавказец. Урод длинноносый! Их сейчас кругом – как грачей. Одним больше, одним меньше.

– Как же его убивать? Ножом, что ли?

– Зачем ножом. Дадим тебе пушку... Так ты согласен?

– Я подумаю.

– Нет, братан. Думать нет времени. Или решаешься сейчас, или...

Минут пять Костя молча ходил вокруг фонаря, пытаясь сообразить, нет ли выхода. Зуб не мешал, молча покуривая в сторонке.

– Ладно, – сказал наконец Костя, – согласен. Давай деньги.

– Точно согласен? Не передумаешь?

Костя лишь мотнул головой.

Сразу вслед за этим из-за кустов появилась массивная темная фигура. Костя испуганно отпрянул.

– Не бойся, – сказал Зуб, – это заказчик. Теперь с ним говорить будешь.

– Значит, сделаешь? – низким голосом спросил неизвестный.

– Ладно, – пискнул Костя.

– Я не буду говорить лишнего, он уже объяснил, – темный кивнул на Зуба, – учти только, коли решился, назад хода нет. И не пытайся. Теперь о деле. – Он достал из кармана куртки конверт. – Здесь инструкции и фото. Внимательно прочитай и сожги. Делай так, как тут сказано. Никакой самодеятельности. Все по писаному. Въехал? Никакого отступления. Фотку как следует изучи. А то пристрелишь кого-нибудь другого. Вот оружие. – В ладонь Кости легла рубчатая рукоять. – Пользоваться умеешь? Ну да, ты ж солдат. Вот деньги, – сунул Косте несколько свернутых купюр, – тут половина. Вторую половину получишь после исполнения. Все. Еще раз повторяю: строго по плану. Теперь иди.

Но первыми ушли они. Костя ошарашенно стоял с пистолетом, конвертом и деньгами в руках, не в силах понять, что произошло и как теперь быть. Наконец он пришел в себя, сунул оружие, деньги и конверт в карман пиджака и медленно побрел домой...

Мать была еще на работе, когда Костя стал собираться «на дело». Он весь день ходил сам не свой, то и дело смотрел на часы. Стрелки, казалось, еле двигались. Пока времени до назначенного срока было достаточно, и Костя внешне оставался спокоен. Он несколько раз доставал пистолет, прицеливался перед зеркалом в воображаемого противника, щелкал курком. Потом зачем-то разобрал и вновь собрал пистолет. Долго размышлял, что надеть. Остановился на спортивном костюме, который мать купила ему перед самым уходом в армию. Он и надевал-то его всего два раза. Костюм был легким, удобным и не стеснял движений. Вот только пистолет некуда положить, но Костя из старого ремня довольно ловко соорудил нечто вроде португалии и пристроил оружие под мышку. Он пару раз подпрыгнул. Пистолет надежно держался в ременной петле.

Он дождался назначенного часа и вышел из дома. У подъезда сидела на лавочке соседка. Она кивнула в ответ на Костино «здравствуйте», не выказав особого удивления. «Все знают, что я вернулся, – понял Костя. – Ну и черт с ними. Сегодня же уеду... Вот только куда?»

Дом, где проживала жертва, считался элитным. Во все времена в нем жило в основном городское начальство, «разные шишки», как говаривали в народе. Костя отродясь в нем не бывал, хотя мимо проходил тысячи раз.

Сейчас он зашел в пустынный двор и отыскал нужный подъезд. Здесь не было даже традиционных лавочек, на которых так любят сидеть пенсионеры. «Может, и пенсионеров здесь нет, – подумал Костя, – или для них отведен некий невидный остальным уголок». Костя неприметно скользнул в подъезд, тоже удививший его своим видом. Здесь было чисто, на стенах отсутствовали традиционные надписи типа: «Metallica», «Света + Максим...», «Спартак» – чемпион!». Костя поднялся по просторной лестнице на третий этаж, глянул на дверь, за кото-

рой, как видно, обитала жертва, несколько раз кашлянул. Гулкое эхо отозвалось на кашель, и Костя вздрогнул. Ему стало страшно. Он выскочил из подъезда и быстрым шагом направился прочь. Теперь гастроном. Здесь, как всегда, людно. Костя некоторое время потолкался у прилавков, то и дело оглядываясь, поскольку боялся, что Зуб не отыщет его в такой толчее. Но Зуб был тут как тут. Он кивнул Косте и чуть слышно произнес:

– Давай вперед, он уже выехал.

Костя пошел прочь из магазина. Ватные ноги готовы были вот-вот подломиться. На улице стало полегче. Костя тяжело вздохнул и поплелся к роковому месту.

На площадке между вторым и третьим этажом он остановился и стал смотреть в окно. Почти тотчас у подъезда тормознула большая иностранная машина, дверца распахнулась, и на тротуар вышел «клиент». Костя сразу узнал человека с фотографии, уж больно внешность примечательная. Брюнет наклонился, что-то сказал водителю и направился к подъезду.

Путаясь в ременных постромках, Костя извлек из-под мышки «ТТ», передернул раму затвора, сдвинул предохранитель, сунул руку с пистолетом за отворот куртки.

Шаги приближались, вот человек поравнялся с ним и стал подниматься вверх по лестнице. Тут Костя обернулся. Спина в дорогом светлом плаще была в метрах трех. Сердце бухало в груди как испорченный маятник – часто и не в лад. Во рту пересохло. Костя медлил, не в силах вытащить руку с оружием. Наконец он решился, поднял «ТТ» на уровень глаз и нажал спусковой крючок. Щелкнул боек, но выстрела не последовало. Услышав непонятный звук, брюнет обернулся. Костя чисто автоматически передернул затвор и вновь с силой вдавил крючок в рукоять. Опять осечка.

– Вот даже как! – со странной улыбкой произнес брюнет и сунул руку в карман.

Третьей попытки Костя делать не стал. Он бросился бежать. Выскочив из подъезда и пробежав несколько десятков метров, он сообразил, что сжимает в руке ненужный теперь пистолет. Хотел было выбросить, но передумал, лишь спрятал руку под куртку, вкладывать оружие в самодельную портупею не было ни времени, ни сил.

Он убежал довольно далеко от места своего несостоявшегося преступления. Кругом находились жилые дома, а прямо впереди высилось здание школы. При школе имелся обширный двор с футбольным полем и чахлым садиком. Костя протиснулся в дыру в ограде и направился к садику. На поле гоняли мяч несколько мальчишек, на Костю они внимания не обратили. Он вошел в садик, уселся под корявой яблоней с поломанными ветвями и достал пистолет. Почему же он не выстрелил? Костя сначала достал патрон, находившийся в патроннике, потом обойму, извлек верхний патрон и осмотрел его. Самые обычные патроны, пуля на месте. Он достал следующий. И этот ничем не отличался от предыдущего. Может, боек сточен? Но и боек был в полном порядке. Костя вставил обойму и посмотрел в сторону ребятшек. Может, проверить? Но выстрел привлечет всеобщее внимание. Да будет ли выстрел? Он наставил дуло на ствол яблони и нажал курок. Выстрел на несколько секунд оглушил. Ребята оставили игру и смотрели в его сторону с испуганным любопытством. Костя поднялся с земли, совершенно ничего не понимая, заправил «ТТ» подмышку и побрел со двора.

Значит, пистолет вполне исправен? Но почему же он не сработал в нужную минуту? Что происходит?! Однако не в этом теперь дело. Он не выполнил работу. Почему, теперь неважно. Не выполнил, и все! Те, кто заказал убийство, не будут разбираться в причинах. Им до причин нет дела. Не убил «черного», значит, убьют его – Костю. Это уж как пить дать. Что же делать? Остается одно – бежать! Куда угодно, но только побыстрее и подальше.

«А мать? – мелькнула тревожная мысль. – Если он сбежит, они наверняка примутся за нее. Что же делать?» Костя, едва волоча ноги, побрел со школьного двора. Ребята продолжали смотреть ему вслед.

Он посмотрел на часы. До шести оставалось минут десять, а встреча назначена на одиннадцать. Что делать сейчас? Идти домой? А вдруг они уже ждут его? Пошататься по городу?

Сходить в кино? Сейчас в «Полярнике», как рассказывала мать, фильмы идут без перерыва. Купил билет, и можешь сидеть в зале хоть до самого закрытия. А это идея! Там темно, никто не увидит, можно спокойно расслабиться и обдумать, что делать.

И Костя отправился в «Полярник», старенький кинотеатр, бывший некогда его любимым местом времяпрепровождения.

Глава 3

БОСС

А в это же самое время в одном из частных домов, расположенном в престижнейшем городском районе «Островок», состоялся некий разговор. Дело происходило на заднем дворе, на обширной площадке, поросшей ярко-зеленой, будто искусственной, травой с вкраплением невысоких голубых елей и неких, судя по всему, розовых кустов с совсем недавно распустившимися глянцевыми листочками. Кроме растительного великолепия, о состоятельности владельца «гасиенды» так и кричал сверкающий голубым кафелем пятнадцатиметровый бассейн, пока еще пустой.

На краю бассейна за белоснежным столом, в столь же белоснежных пластиковых креслах, какие обычно стоят в летних кафе, расположились двое. Один – невысокий, весьма упитанный мужчина лет сорока с длинными волнистыми волосами – был облачен в традиционный наряд современного нувориша – дорогой спортивный костюм фирмы «Найк». Второй – здоровенный детина неопределенного возраста в легкой замшевой курточке и черных джинсах – уже фигурировал в нашем повествовании. Именно он вручил в заброшенном парке пистолет и деньги бедолаге Косте. На столике стояли бутылка виски «Джонни Уолкер – ред лейбл», соевые орешки в розеточке, оливки и прочая заморская снедь.

Упитанный плеснул в пузатые бокалы виски, жидкость маслянисто сверкнула под вечерним солнцем.

– Может, тоник? – любезно поинтересовался упитанный.

– Нет, Петрович, не нужно, – поморщился детина, – я прямо тебе говорю, не люблю! Да и виски... Забористая штука, спору нет, но самогонкой отдаст. По мне лучше водка, ну а коли нет ее, родимой, то на кой хрен добро водичкой разводить.

Детина выпил свое залпом, взял щепотью с десяток орехов и отправил их в шербатый рот.

– Ты бы, Харя, зубы вставил, что ли, – процедил упитанный Петрович, – денег нет, так я дам. Сходи к частнику, сейчас полно их, вставь рыжье, а еще лучше стальные. Да такие, чтоб гвоздь перекусывать можно было.

– На кой мне стальные, – ощерился Харя, – я и этими кому хочешь горло перегрызу.

– Охотно верю, – сказал Петрович, – но с зубами вообще был бы неотразим. Хотя ладно...

Давай по делу.

– А что по делу? Я ж уже толковал, все идет путем. Этот пацаненок...

– Постой, не тарaxти. По порядку.

– Ну приканал он к почтамту, – со скукой в голосе начал Харя, – покрутился там, как и было приказано, потом покандехал к дому, вошел в подъезд, спустился, сунулся в гастронном, Зуб ему кивнул, мол, можно работать. Он двинул назад, встал в подъезде... Я из дома напротив за ним в бинокль следил, как ты и велел. Потом подъехал этот... – Харя замолчал, не спрашивая разрешения, налил себе виски, залпом выпил, не глядя сунул корявые пальцы в тарелочку с маслинами, так же щепотью отправил несколько в рот, разжевал и тут же выплюнул их на землю.

– Ну и дрянь! – заявил он. – Как вы это хаваете?

Петрович изобразил гримасу насмешливого презрения, но ничего не сказал.

– Так вот, – продолжил Харя, – когда этот вошел в подъезд, я особо напрягся... Мы вчера даже окно в подъезде протерли, чтоб лучше видно было. Окна в подъездах, видишь ты, никто мыть не хочет...

– Хрен с ним, с окном! Дальше!

– Пацан стоял лицом к улице. Этот поднялся. Пацан достал руку с «пекарем» из-за пазухи...

– Он стрелял?!

– Судя по всему, затвор-то передергивал... Потом сразу бросился вон. Попер, не разбирая пути. Я послал Клюку следом. Клюка шибко бегают, а едва за пацаном поспевал. Короче, побегали они, наконец пацан сдох, забрался в какие-то кусты, достал «пекарь»...

– Где это было?

– Около какой-то школы, на дворе. Там ребяташки мяч пинали. Клюка кночит за ним. Пацан достал обойму, видно, «маслята» проверял, потом снова зарядил и выстрелил в дерево.

– Кто-то это видел?

– Я же говорю – Клюка.

– Нет, посторонние?

– Ну, дак ребята эти... с мячом. Они даже пинать бросили.

– А потом? Харя, ты шевелись, не спи!

– Пацан в кино пошел.

– В кино?!

– Ну! Я даже обалдел: ничего себе нервы! Я бы на его месте деру дал. С баксами-то, Петрович!

– Конечно, он не дурак, – задумчиво произнес Петрович, – да и куда бежать?

– Да куда угодно!

– Он, видать, прикинул, что в случае чего мы мамашу его можем... того... А то, и вправду, нервы крепкие. Не получилось, и не надо. Хотя, сомневаюсь, что он настолько туп. А сейчас что он делает?

– Да в кинушке сидит до сих пор. Я Клюку оставил, для подстраховки, а сам в тачку, и сюда.

– Теперь о деле. Клюка, говоришь, его пасет?

– Ну.

– Глаз не спускайте. Каждый шаг чтобы под контролем. Я думаю, он придет на встречу. Деваться некуда. Так вот. Тут ты на него и поднапри. Бить не нужно, но напугать должен крепко. Пригрози всем, до чего додумаешься. Да тебя учить и не нужно. Пистолет и деньги забери, но скажи, что, если дело не закончит, – ему вилы. Забей стрелку на завтра. Дальнейшие указания получишь после того, как доложишь о результатах беседы. А теперь свободен. Можешь еще выпить, если желаешь.

– Спасибочки, – иронически заявил Харя, – я уж лучше сейчас куплю пузырь нормальной водяры, колбасы, сала... А эти ваши устрицы... – он кивнул на маслины, – хряпайте сами. Ты так скоро лягушек жрать будешь. Нет уж, благодарствуем. – Он насмешливо глянул в глаза упитанного мужчины. – И все-таки ты ффраер, Петрович. Не нюхал параша, баланды не хлебал. А какой ты без этого блатной. Так, чуфан захарчеванный. Не в обиду тебе будь сказано.

– Чего?! – с ледяной улыбочкой протянул Петрович.

– А-а! – захохотал Харя. – Уел тебя! Ладно, в натуре, не бери в голову, а бери в рот. А в баню я схожу, можешь не волноваться!

И Харя, продолжая хохотать, направился прочь.

Сам того не желая, а может быть, вполне намеренно, щербатый громила задел самое больное место упитанного. Каким бы крутым его ни считала братва, но для непререкаемого авторитета не хватало главного – не сидел в тюрьме. Все можно купить: диплом выпускника Сорбонны, дворянский титул, шестисотый «Мерседес», виллу на Карибах, а такой вот «мелочи» не купишь. Все у тебя есть, ходишь в авторитете, под тобой бригада человек в сто, а то и двести. Вот начнется между деловыми «базар» за жизнь, за закон, за правильных воров. Кто-то помянет и твое имя. И обязательно найдется какой-нибудь исколотый доходяга и скажет: «Да он – ффраер! Нашу кровь сосет. Мы по лагерям паримся, а такие вот жиреют». И этот разрисованный урод будет прав. И как ты поднялся, так тебя и опустят.

– Поднялся, – повторил он вслух. – Подняться было не так уж и сложно, но вот удержаться...

Он задумался, вспоминая, казалось, совсем недавнее.

Виктор Петрович Лыков в юности вовсе не предполагал, что однажды станет криминальным авторитетом. В те годы у Вити были несколько другие планы. Рос он в обычной семье со средним достатком. Мать, правда, работала в торговле, а отец был простым работягой, пахал посменно на машиностроительном... Жили, конечно, не в бедности, но роскоши особой себе не позволяли. А, собственно, кто в те времена мог себе позволить особую роскошь? Разве что номенклатура – та каста крупных начальников и высоких партийных чинов, которая жила по своим особым законам. К разного рода торговым работникам эти люди относились с нескрываемым презрением. Используя их, питаясь и одеваясь через спецраспределители и задние двери магазинов, они тем не менее брезгливо называли их «торгашами», открыто посмеивались над обручальными кольцами в полпальца, золотыми зубами и прочей безвкусицей.

Витя еще в детстве слышал множество историй, почти легенд, из жизни людей блата. В те годы жаргонное словечко «блат», перекочевавшее из уголовной лексики, означало вовсе не то, что первоначально. «Достал по благу», «у него есть блат...» – предполагало доступ к дефициту. А поскольку дефицитом было почти все, то и круг блатных, то есть торговых работников и связанных с ними разного рода деляг и проныр, считался привилегированным. Попасть в него было заветным желанием многих. «Аристократия прилавка», презируемая и возвеличиваемая одновременно, правила балом. Не зря говорили: «Блат выше наркома!» Но не все было так просто. Время от времени мать приносила драматические истории. Возбужденно блестя испуганными глазами, она сообщала, что некие Василий Кузьмич или Софья Абрамовна попались во время ревизии и теперь...

Слушая саги и мифы, которые излагали мать и ее увешанные золотыми цацками подруги, Витя еще в отрочестве сделал для себя вывод, сводящийся к народной мудрости «сколь веревочке ни виться...»

«Мы пойдем другим путем», – сказал он себе, повторяя слова вождя мирового пролетариата. И пошел! Тут не нужно было изобретать ничего нового. Секретарь комитета комсомола школы, член горкома комсомола, секретарь комсомольской организации технологического института.

«Главное – попасть в руководящую обойму, – здраво рассуждал Витя, – а уж дальше...» И нужно отметить, все шло как по маслу. Витя был парень бойкий, начитанный и легкий на подъем. Нужно ехать на село, организовывать помощь селянам – пожалуйста! Сформировать и возглавить студенческий строительный отряд – да ради бога! Исполнитель, говорили про него в высоких кабинетах, надежен, не подведет. Не это ли лучшая рекомендация? Первая закавыка случилась в конце 1978 года. Виктор Петрович в те времена был начальником областного штаба студенческих строительных отрядов. В обком партии пришла анонимка, в которой говорилось, что «Лыков В. П. использует служебное положение при распределении объектов строительства на селе, вымогает при этом мзду, заключает фиктивные договоры...» Анонимка есть анонимка, но тем не менее ей дали ход. Последовало расследование. Факты, как и следовало полагать, не подтвердились, но с должности Лыкова сняли... и назначили заместителем директора текстильной фабрики по экономическим связям.

В ту пору нашему герою стукнуло двадцать три года, был он холост, полон творческих задумок, а внешностью напоминал киноактера Жарикова, героя фильма «Рожденная революцией». На текстильный фронт Виктор прибыл окрыленный новыми идеями. Текстильная фабрика – заповедник невест, этот факт Петрович осознал чуть ли не в первый день пребывания на столь ответственном посту. Через месяц он уже нисколько не жалел, что покинул строительную ниву. До сих пор общественная деятельность не давала возможности развернуться другим его талантам, но теперь сама среда принуждала к подвигам. И подвиги последовали. Эротические

похождения Валеры хоть и не отличались оригинальностью, зато потрясли многочисленностью объектов и темпами. Понятие «казанова» мало что говорило текстильщицам, поэтому к нему приклеилось почетное, хотя и несколько пренебрежительное прозвище Осеменитель. Оно опять же несло некий сельскохозяйственный привкус. Петрович исхудал и от этого стал еще привлекательнее. Слава его росла и множилась. Конец ей положил многоопытный и мудрый директор фабрики Евлампий Миронович Кривонос. Вызвал он как-то Лыкова, оглядел с головы до ног, лукаво усмехнулся в прокуренные усы.

– Тебе сколько годков-то, Виктор Петрович? – поинтересовался с плохо скрытой насмешкой.

– Двадцать пятый миновал, – в тон ему ответил Витя.

– Экий ты у нас могутный. А не пора ли тебе, паренек, жениться?

Витя и сам подумывал об этом.

– Есть такие намерения, Евлампий Миронович, – заявил он, – пытаюсь сделать выбор.

– Молодец! Выбор у нас, конечно, богатый, но не слишком ли ты привередлив? Прямо как царь Иван Грозный. Сегодня одна, завтра другая... Дело, конечно, молодое... – выразительно хмыкнул директор. – А в самом деле, есть у тебя кто на примете?

Витя пожал плечами.

– Плохо! Да и потом... – Евлампий Миронович не договорил, достал из коробки папиросу, постучал гильзой по крышке. – Как-то несолидно. Зам директора, а ведешь себя как мартовский кот. Словно с цепи сорвался. Осеменитель! – он захохотал. – Уж как прилепят бабы кличку, так не отдерешь.

– Кто осеменитель? Что это значит? – опешил Витя.

– Да ты! Или не слыхал? Так на фабрике тебя величают... Вот что, паренек, нужно быть серьезней. А для этого жениться надо. – Он пустил клуб дыма в лицо Вити и посмотрел в окно, словно раздумывая, говорить ли. – Есть одна девушка, – наконец изрек директор, – моя племянница, между прочим. Не девушка, а цветочек. – Кривонос чмокнул губами. – Красавица, спортсменка...

– ...комсомолка, отличница, – закончил за директора Витя.

– Точно, а ты откуда знаешь?

– В кино видал.

– Эти шуточки брось! Девке двадцать один, через год заканчивает торговый институт. Пора и замуж. Я вот на тебя смотрю... Из приличной семьи, анкета не замарана, деловит, исполнительен...

– Вы меня что же, сватаете?

– Верно, милоч. Сватаю. Женись – не пожалеешь. Погулял, пора и честь знать. А потом... – он игриво подмигнул Валере, – не мне тебя учить, не мне подсказывать. Давай-ка завтра вечерком заходи ко мне домой, а там, глядишь, и Светка явится. Познакомитесь, приглядитесь друг к другу.

Витя не решился отказывать руководителю, хотя подозревал подвох. Однако не пожалел. Светка действительно оказалась девицей, что называется, «кровь с молоком». Для приличия погуляли они с месяц, и Витя женился, тем более что в приданое давали однокомнатную квартиру. Но главное было не в том! Витя приобрел значительно больше, чем квартиру. Он попал туда, куда и мечтал – в круг «своих».

Как-то летним вечерком Виктор Петрович вместе с молодой женой отдыхал на даче у своего нового родственника и одновременно начальника. Евлампий Миронович называл Витю «зятком». Дача, довольно неказистый домик, стояла, однако, посреди замечательного соснового бора, неподалеку протекала река. Вокруг располагались подобные строения. Они сидели за шатким столиком, на котором сиротливо торчала бутылка коньяка, окруженная кое-какой закуской.

- Нравится тебе здесь, зятек? – поинтересовался Евлампий.
- Правильно, – отозвался Витя.
- Именно что. Подходящее слово нашел, сразу видать, филологией балуешься. Учительствовать неужели не тянет?
- Да как-то... – замялся Витя, – не лежит, одним словом, душа.
- Евлампий помолчал, потом искоса посмотрел на Витю.
- Я тут о тебе кое-какие справки наводил, ты уж извини.
- Справки? – не понял Витя. – А разве до того вы не интересовались моей биографией?
- И раньше, конечно. А теперь особенно. Ведь ты же родственник. Я бездетен. Светка – что дочь родная. Братец-то мой сгинул.
- Погиб при исполнении особо важного правительственного задания, – сказал осведомленный Витя. – Светлана рассказывала, он вроде легчиком был... испытателем.
- Ага, испытателем, – пожевав губами, повторил Евлампий. – Короче, Светка мне как родная дочь. Что немаловажно. Так вот. Ты, будучи в руководстве комсомольского стройотряда, вроде поворывал?
- Поклеп! – вскричал Витя. – Домыслы и клевета!
- Постой. Не горячись. Все мы люди, все человеки, как говорил классик. У каждого имеются свои грешки...
- И Евлампий, не торопясь, стал рассказывать про собственные. Выходило, что он, пользуясь своим положением и всеобщим бардаком, имеет собственный подпольный цех, где доверенные люди изготавливают различное дефицитное тряпье, нашивают иностранные этикетки и «толкают» налево. Говорил он про все без опаски, как о само собой разумеющемся.
- Понимаешь, зятек, – толковал Евлампий, – все умные люди сейчас так делают. И себе польза, и государству не во вред. Снабжаем население модной одеждой. Насыщаем, так сказать, рынок товарами народного потребления. Боремся с дефицитом.
- Витя засмеялся.
- Это ты зря, – посуровел Евлампий.
- Я же без насмешки, – определился Витя.
- Тогда ладно. Так вот, зятек. Я тебя в долю хочу взять.
- А я-то вам зачем? Неужели без меня дело не движется?
- Да движется, конечно, движется. Только время от времени маленькие проблемы появляются.
- То есть?
- Ты, кажется, спортом занимался? – неожиданно перевел разговор в другое русло Евлампий.
- Занимался, – подтвердил Витя. – Боксом, потом карате. Даже секцию вел, пока не запретили.
- Ну да. Джиу-джитсу.
- Нет, джиу-джитсу – старье! Карате – это...
- Не важно. За себя постоять можешь? Именно это мне и нужно. А то... Путаются под ногами разные людишки... Мелкотня.
- Милиция, что ли?
- Если бы.
- ОБХСС?
- Да нет! – досадливо произнес Евлампий. – С этими все более-менее гладко. Уголовники на хвост сели. Прознали как-то про цех. Теперь требуют дань платить. Отступное. А то грозятся пожечь.
- И много?

– Денег-то? Прилично. Сам понимаешь, давать нужно, не без этого. Делиться не будешь... – Евлампий выразительно провел ребром ладони по горлу. – Даю, конечно, кому считаю нужным. А этим не считаю. С какой стати я сямкам платить буду? Но они не отстанут. Я этот народ знаю. И заплатишь – тоже не отстанут, пока все не высосут. Вот я и думаю... – он внимательно посмотрел на Витю. – Не взялся бы ты организовать нечто вроде охраны. Нашел бы ребят подходящих. Не бесплатно, конечно. Очень даже не бесплатно.

– А милиция? – не удержался Витя.

– Что милиция? – удивился Евлампий. – За помощью бежать, что ли?

– Как я понял, у вас там связи?

– А-а, – протянул Евлампий, – их на подмогу призвать. Это, конечно, можно, и дешевле обойдется. Но тут вот в чем заковыка. Если узнают, что я настучал, могут на перо поставить, попросту прирезать. А если я найму ребят крепких и организую охрану, наоборот, одобряют. Все правильно, поступил по совести. Уголовный мир, он тоже неоднороден.

– Подумаю, – буркнул Витя.

– Ты уж подумай, – просительно сказал Евлампий, и заискивающий этот тон насторожил Витю. Едва заметные угрожающие нотки в нем все же прозвучали.

Глава 4

ПЕРВАЯ КРОВЬ

Согласился-то он согласился, но как подступиться к неведомому доселе делу, представлял плохо. Впрочем, Витя был парнем бойким и перед трудностями не привык отступать. Крепких ребят найти – не проблема, но, как пояснил Евлампий, в данном деле главное – надежность. У Вити еще со студенческих времен имелся приятель – некий Матусовский, по кличке Композитор. Матусовский дотянул до четвертого курса, потом увлекся шашками и науку бросил. Время от времени они встречались, иной раз выпивали, вспоминали веселые деньки в стройотрядах. Как можно было понять, Степа на шашках особенно не разбогател, правда, имел потрепанный «жигуленок» первой модели.

У Степы была одна страсть, отчасти оправдывающая его кличку. Он обожал рок-музыку, постоянно менял и покупал заграничные пластинки, или, как он их называл, «диски». Сам же Витя к подобной музыке был совершенно равнодушен и увлечения приятеля не разделял. Матусовский вполне подходил на роль костолома, к тому же у него были обширные связи в полукриминальной среде.

Перед тем как встретиться с Композитором, Витя решил поговорить с Евлампием, конкретно разузнать, с кем им предстояло иметь дело.

– А ты ребят нашел? – вместо разъяснений сразу спросил Евлампий.

– Есть кое-кто на примете, – неопределенно ответил Витя.

– Кое-кто – это не разговор. Вот когда ты придешь ко мне и скажешь, что ребята готовы на дело, тогда расскажу, что и как.

– Но я же не могу ляпнуть какую-нибудь ерунду, да и вознаграждение...

– Именно ерунду ты и скажешь. Никто, кроме тебя, не будет знать, с кем имеет дело. А что касается вознаграждения... Я надеюсь, ты не будешь привлекать к этому делу академиков и народных артистов.

Восьмидесятый год – год московской Олимпиады – запомнился появлением в магазинах небывалых товаров – невиданных доселе сигарет и бутылок с яркими этикетками. Витя зашел в гастроном, купил пачку «Мальборо», португальского портвейна и отправился к Матусовскому. На его звонки никто долго не открывал, а из-за двери неслся грохот музыки. Наконец щелкнул замок, и на пороге появился Композитор.

– А-а, это ты, старичок...

– Не ожидал? – Витя отодвинул Композитора плечом и без приглашения прошел в квартиру.

– Зачем тебя черт принес?

– По делу, – коротко ответил Витя. – Или не рад?

– Да рад, – кисло произнес Композитор, – правда, не совсем ты вовремя, да уж ладно – проходи.

В комнате сразу стало ясно, почему не вовремя. На тахте среди разбросанных пластинок и каких-то пестрых пакетов сидело существо женского пола лет семнадцати и поспешно приводило себя в порядок.

– Лена, – представил свою знакомую Степа, – а это большой человек, – он кивнул в сторону Вити, – крупный начальник, Виктор Петрович...

– Степа! – оборвал Композитора Витя. – Ты как-то не с того начинаешь. Крупный начальник... К чему церемонии. Для тебя я – старый товарищ. И как товарищ принес маленький сувенир, – он сунул Композитору бутылку. – Не надо имен, мы же не на званом приеме. Вруби лучше свою идиотскую музыку и давай веселиться.

– Для веселья одного пузыря мало, – деловито сказал Композитор. – Да и потом... – он критически осмотрел этикетку, – это что-то вовсе экзотическое.

– Можно приобрести чего-нибудь покрепче, – Витя покосился на девицу и достал из кармана червонец.

– Клево, – мигом оценил предложение Композитор, – не будешь ли так добра... Дядя угощает.

Девушка без слов взяла деньги и двинулась к выходу.

– И чего-нибудь закусить, – бросил вдогонку Композитор.

– Пока она ходит, переговорить нужно, – сообщил Витя.

– Я весь внимание.

– Дело не совсем обычное... – Витя помялся, не зная с чего начать. – Словом, нужно кое-кого... – он выразительно прикоснулся кулаком к своей скуле.

– А кого? – спросил сообразительный Композитор.

– Нехорошего человека. Не даром, конечно.

– Сколько?

– По стольнику на рыло. Тебе два.

– Много парней надо?

– Человек пять. С тобой вместе. Но ребят стоящих. Бойцов, одним словом.

– А тех сколько будет?

– Не знаю точно. Ты сначала людей подбери.

– Ну, это не проблема. Бойцы найдутся. Когда надо?

– Чем быстрее, тем лучше.

– Хорошо. Сегодня-завтра поищу, а в пятницу позвоню тебе.

Степа позвонил ему, как и обещал, в пятницу.

– Ребята есть, – сообщил он, – я сказал...

– Не по телефону. Подходи к моему дому, знаешь, рядом скверик есть...

Беседовали они не больше десяти минут. По словам Композитора, все было оговорено. Сумма вознаграждения устраивала, неясно было только, кого предстоит бить.

– Из-за бабы? – осторожно спросил Композитор.

Витя неопределенно мотнул головой.

– Не совсем, узнаешь в свое время. Только я тебя прошу – никаких фамилий.

– Ребята готовы, – сообщил он Евлампии при встрече.

– А ты их видел, знаешь?

– Одного только, – чистосердечно признался Витя, – но парень он надежный.

– Черт с ними! Времени мало. Будем надеяться, справятся. Единственное... – он с минуту подождал. – Ты пойдешь вместе с ними.

– Да я... – замялся Витя.

– Боишься, что ли?

Витя засмеялся.

– Я даже не знаю, с кем придется сражаться, а вы – «боишься».

– Я тебе уже говорил. Этот тип, что требует отступного, залетный, не здешний то есть. Грузин. У меня работала бабенка. При цехе. Шалава, можно сказать, но бойкая. Она ездила повсюду, наподобие экспедитора. Сырье искала, наклейки эти, «под фирму». Ну и сбытом занималась. Короче, мы с ней разругались. А у нее не то в Батуми, не то в Сухуми дружок имелся, уголовник. Он к ней сюда приехал. Она, видишь ты, на меня и стукнула. У них там на Кавказе цеховиков уйма, и все обложены данью.

– Рэкет, – сказал осведомленный Витя.

– Какая разница! Они, как я понимаю, ищут новые объекты, расширяют, так сказать, сферу деятельности. Он явился сюда вроде от грузинских воров... К местной шушере маляву привез...

– А здешние? – с любопытством спросил Витя. – Они кто?

– Не в них дело. Хотя... Главное, они сами не желают здесь видеть пиковую масть. Но и вмешаться не хотят. Я же тебе говорил. Короче, вся надежда на тебя. Его зовут Бесо, Бесик, при нем еще двое местных.

Страшный бандит Бесик оказался довольно плюгавым мужичком неопределенного возраста, одетым в джинсовый костюм, причем брюки были заправлены в остроносые – на высоких каблуках – ковбойские сапожки. Сапожки очень понравились Вите. Действительно, классная вещь! Они сидели за столиком в небольшом летнем кафе.

Бесик сонно шурил желтые глазки, его худощавое, нездешнее лицо выражало откровенную скуку.

– Так ты бабки платить будешь? – спросил он Евлампия.

– Наверное, нет.

– Зря. Пожалеешь. – Парень говорил без всякой угрозы, как бы о само собой разумеющемся. – Пожгу я твой куток.

– Попробуй.

Бесик усмехнулся.

– Значит, отказываешься платить?

– Базар окончен, – спокойно сказал Евлампий.

– Как знаешь, – Бесик поднялся и, не оглядываясь, пошел прочь.

Витя, не вставивший за весь разговор ни единого слова, вопросительно посмотрел на Евлампия.

– Может, его нужно было поучить? – спросил он.

– Посреди города, что ли? Не волнуйся, поучишь еще. Или он тебя...

– Этот дохляк?!

– Он не один и наверняка вооружен. Значит, вот что. Сегодня вечером возьмешь свою кодлу и будешь охранять дом.

– Какой дом? – не понял Виктор.

– Цех то есть, – досадливо объяснил Евлампий. – Наверняка они либо нынче, либо завтра туда наведаются.

Дом, где находилось подпольное производство Евлампия, располагался в глубине пригородного поселка, в народе называемого «Нахаловкой». Это было одноэтажное приземистое строение, обнесенное высоким дощатым забором, поверх которого была пущена колючая проволока. Вокруг дома росло несколько чахлах деревьев, преимущественно яблонь. Ехали к дому на «жигуленке» Композитора. Перед этим тот познакомил Витю с членами команды.

– Это Кука Воробьев, – представил он здорового толстого детину с блинообразным лицом, к которому словно прилеплен был несуразный, видать, перебитый, нос. – Это Володя. – Длинноволосый развинченный парень протянул Вите потную ладонь. – Это Клим – ты его, видимо, помнишь. – Витя взгляделся в испитое угрюмое лицо. Этого парня он встречал в институте, но тогда Клим (его фамилия Климух, вспомнил он) выглядел совсем по-другому.

– Чего делать-то? – равнодушно спросил Клим.

– Дом охранять, – односложно пояснил Витя.

Евлампий критически оглядел прибывших. Пожевал губами.

– Ладно, – сказал он, – выбирать не приходится. Вот что, хлопцы, у меня возникли некоторые проблемы с некоторыми людьми. Эти люди обещали спалить мой дом. Ваша задача – предотвратить возгорание. Поняли?

– Сколько же нам тут околачиваться? – спросил длинноволосый Володя.

– Сколько нужно, столько и будете. За каждую ночь плачу пятьдесят рублей.

– Всем?

– Каждому.

Почтительный вздох прошел по рядам защитников.

– Нормально, командир, – радостно произнес Кука Воробьев.

– Клево, – подтвердил Володя, – сейчас я в магазин сбегая, кира принесу, закуси... Веселей сторожить будет.

– Никакого кира! – сердито сказал Евлампий, – Витя, проследи, чтоб никто не пил. После работы будете расслабляться. Ясно?! Теперь вот что, Витя. Отойдем на минутку, – Евлампий отвел его в сторону.

– Те, кто явится сюда, скорее всего будут вооружены. Во всяком случае, Бесик наверняка. Поэтому вот тебе... – он сунул руку за пазуху, вытащил оттуда продолговатый, завернутый в тряпку предмет и протянул его Вите.

Предмет оказался тяжелым.

– Обрез, – сказал Евлампий, – от двустволки. Заряжен картечью. Двух патронов, я думаю, будет достаточно. Но стрелять в самом крайнем случае. Иначе привлечешь к себе внимание, и хотя участковый получает от меня мзду, лучше обойтись без пальбы. Но мало ли что... Этим, – он кивнул в сторону братвы, – ничего конкретно не говори и смотри, чтоб не пили. Ну, с богом!

Первая ночь прошла спокойно. Сначала охранники лениво беседовали между собой, причем в основном о выпивке, потом притулились кто-где и задремали.

Витя и Композитор устроились в «жигуленке», который предусмотрительно загнали под навес и прикрыли пологом. Композитор не задавал никаких вопросов, а предпочел поспать. Витя, ощущая ответственность, долго крепился, но и он наконец заснул. Разбудило его осторожное прикосновение к плечу.

– Все спокойно, – услышал он голос Композитора, – это я...

– А-а, – протянул Витя, – чего тебе?

– Ты бы рассказал, что к чему?

Витя зевнул, нащупал обрез на сиденье.

– Светать начинает, – заметил Композитор, – скоро по домам. Так как же?..

– Что ты хочешь знать?

– Это же Кривонос, директор «текстиля», твой шеф?

– Ну?

– А от кого мы охраняем? – не отставал Композитор.

– Не знаю! Шеф попросил организовать охрану, я выполнил. – Темнишь, а зря. Мне-то уж мог бы сказать.

Витя иронически усмехнулся:

– Я скажу тебе, ты скажешь этим... А чего, собственно, рассказывать. На него наехали. Кто, не знаю. Требуют денег... Если не даст, грозятся спалить этот барак. Вот и все.

– Все, не все, но хотя бы кое-что. Ну, а в домишке этом?.. Небольшая швейная фабричка? А? Слышали мы, слышали...

– Коли знаешь, чего спрашиваешь?

– Да мне-то какое дело. Я о другом. Кто наехал на Кривоноса? Не местные ли орлы? Если местные, могут возникнуть неприятности. Для нас с тобой, я имею в виду.

– Не местные, – отрывисто бросил Витя, – как раз не местные. Можешь не трухатъ. А если боишься, я могу подыскать кого другого.

– Боишься, не боишься... Что за странный базар. Ты же меня знаешь, я не особенно пугливый. Но страх и осторожность – вещи разные, так что не стоит обобщать.

– А вот скажи, – переменял тон Витя, – ты поминал местных?

– Деловых, что ли?

– Уж не знаю, как их называть. Деловые, блатные, уголовники. Они что, тоже подобными вещами занимаются?

– Какими вещами?

– Вымогательством.

Композитор достал из кармана мятую пачку «Явы», закурил.

– Да нет, – наконец произнес он, – местные больше старыми проверенными путями добывают средства к существованию. По карманам тырят, хаты бомбят... Словом, занимаются традиционным народным промыслом.

– И ты с ними знаком?

– Странные вопросы задаешь.

События развернулись следующей ночью. Ребята расположились под чахлыми деревцами, на принесенных с собой одеялах, видимо, уже приноровились к службе. Витя был уверен: и спиртным тоже запаслись, – но помалкивал. Почему бы им не выпить граммulette, ведь скучно. Композитор, как всегда, отсиживался в машине. На этот раз он был молчалив, с вопросами не приставал. В начале второго Витя решил обойти территорию двора, удостовериться, что все спокойно. Стояла тишина, если охранники и выпили, то вели себя так, будто ничего и не случилось.

Обрез Витя оставил на сиденье машины, он как-то и забыл про него, шел, светя себе под ноги карманным фонарем. Неожиданно сзади кто-то обхватил рукой за шею, а в бок впилося что-то острое. Витя попытался закричать, но из горла вырвался лишь придушенный хрип.

– Тише, сука! – прошипел незнакомый голос, и Витя почувствовал резкую боль в боку. – Пикнешь, воткну по рукоять!

Витя оцепенел. Ни мыслей, ни реакции... остался только липкий страх. «Конец», – мелькнуло в сознании.

– Что? – послышался рядом шепот. Витя узнал гортанную речь Бесика.

– Один есть. Мочить?

– погоди. Держи пока. Петро, давай бензин. – Послышался шорох. Луч фонарика зацепил чьи-то ноги. – Фонарь забери, – скомандовал Бесик.

Из руки Вити вырвали фонарь, но хватка неизвестного, державшего шею, не ослабла. Витя чувствовал: словно раскаленное жало торчало в боку. Но боль как бы отошла на задний план, заставив лихорадочно искать выход. Оцепенение мигом слетело. Чего уж проще, бросок через голову. Руки-то свободны... Дальше он действовал почти автоматически. Резкий рывок. Державший его перелетел через голову и шмякнулся в темноте.

– Ребята! – заорал Витя. – На помощь!

– Ах ты, падла! – закричал Бесик. – Режь его, Колян!

С земли донесся стон, невнятный мат...

– Руку сломал, гад...

Луч фонаря уперся в лицо Вити. В руке Бесика он увидел тонкое лезвие ножа. Бесик медленно, чуть покачиваясь из стороны в сторону, шел на Витю. Витя сделал выпад ногой, но Бесик проворно отскочил, лица его в темноте не было видно, только поблескивали зубы. Рядом на земле стонал и копошился, пытаясь встать, тот, кого Витя перебросил через себя.

– Петро, – закричал Бесик, – давай быстрее! – Послышался плеск разливаемой жидкости. Остро запахло бензином.

Из темноты донеслись глухой удар, вопль «Ох!» и звук падения тела. Следом тяжелая дубина обрушилась на голову Бесика, он выронил нож и фонарь и без звука свалился на землю.

– Кончайте их! – неожиданно для себя крикнул Витя.

– Не надо, – донеслось до его ушей, видимо, это сказал тот, кому он сломал руку. Но его никто не слушал. Витя поднял с земли фонарик, но лишь только луч вырвал из тьмы происходящее, отошел в сторону, не принимая участия в дальнейшем. Стоял поодаль, дрожь сотрясала

все тело. Дотронулся ладонью до бока, кровь перестала идти, рубашка прилипла к телу, и рана лишь саднила. Он сплюнул и кашлянул. Потом перевел фонарь на место схватки.

– Хватит! – приказал Виктор, но его не слушали, продолжая наносить удары.

Внезапно все кончилось, наступила тишина.

– Все, – сказал Кука.

– Что, все? – не понял Витя.

– Того... они вроде готовы. Дай-ка фонарик.

Витя машинально сунул Куке фонарь. Тот осветил на кровавое месиво перед домом.

Нагнулся.

– Этот еще дышит, – сказал он равнодушно.

– Что же делать? – сказал Витя, ни к кому не обращаясь.

– А что делать? – Кука понял, что вопрос к нему. – Увезти куда-нибудь за город да закопать.

– Выпить бы... – бесцветным голосом сказал Витя.

– Давай, налью, – Кука сбегал под яблони, принес початую бутылку, стакан... Звякнуло стекло. Витя, не глядя, принял стакан, залпом выпил водку.

– Значит, так. Я сейчас поеду за хозяином, а вы оставайтесь тут. Пойдем, – кивнул он Композитору.

Через полчаса они вернулись вместе с Евлампием. Тот молча оглядел поле битвы. Пожевал губами.

– Н-да, – наконец произнес он. – Дела! Ну что же. Заталкивайте их в машину, везите в лесополосу и закопайте. После этого произведем расчет. До рассвета еще час – успеете.

Евлампий расплатился с ребятами по-царски.

– А с тобой сочтемся позже, – пообещал он Вите.

Глава 5

МАФИЯ БЕССМЕРТНА

Вот так началось, так и покатило... Был Виктор Петрович Лыков обычным законопослушным гражданином, и если и имел кое-какие грешки, то от силы года на три, а теперь? Он и сам понимал, что перешел некую черту, за которой открывается мрак кромешный. Пару дней он вообще не мог прийти в себя, все мерещился жалобный голос того, лежащего: «Не надо».

Все, однако, проходит. Постепенно прошли и Витины страхи. Он просто забыл о трех несчастных, гниющих в лесополосе. Новые дела заслонили ушедшие в прошлое события. Цеховиков в городе, несмотря на близость столицы, можно по пальцам перечесть, однако все оказались каким-то образом связаны друг с другом. Евлампий предложил ему довольно интересное начинание.

– Наш маленький профсоюз, – ухмыляясь, пояснил Евлампий. – Ты организуешь своего рода охрану этих деятелей, в том числе и меня, а мы будем ежемесячно выплачивать тебе и твоей бригаде некое вознаграждение, заметь – постоянное, независимо, придется вам, так сказать... или нет! Гарантированное жалованье, хе-хе. Ребята у тебя проверенные, повязанные, так сказать... Я думаю, они не обидятся, что жалованье их будет значительно превышать возможные заработки в иных местах.

– Но они пьющие! – засомневался Витя.

– Да кто сейчас не пьющий! А ты, как бригадир, подтяни их, проведи воспитательную работу. Словом, власть употреби.

Мудрый Евлампий как в воду глядел. И Композитор, и остальные с радостью откликнулись на призыв Вити. Дело казалось прибыльным и необременительным. К слову сказать, наездов, подобных первому, больше не случалось. Работа была пустяковая – выбить долг из нерадивого посредника, помочь перевезти товар... Словом, делов на копейку, а имели они весьма приличный навар. Пить стали меньше, обзавелись машинами и выглядели относительно rispetабельно.

Все развалилось, можно сказать, в одночасье. Наступили тревожные и неясные андроповские времена. Первым звонком стала невнятная речь Евлампия, которую он произнес на одном из обычных субботних пикничков. Слушателем был только Витя. Они уже успели пропустить по рюмке хорошего коньяка, на мангале жаривались шашлыки, но Евлампий, видимо, не радовался этому обстоятельству. Он то и дело вскакивал со своего раскладного стульчика и начинал метаться по заросшей цветами поляне.

– Вы чего это скачете? – с тревогой спросил Витя у родственника.

– Чего?! – закричал Евлампий. – Ты еще спрашиваешь! – И он начал горячо и невнятно говорить. Одновременно яростно жестикулируя. Из сумбурной речи выходило, что грядет новый тридцать седьмой год и вскоре всем им предстоит в лучшем случае оказаться на нарах.

– Объясните вразумительно, – попросил ничего не понявший Витя.

И Евлампий объяснил. Он сказал, что московские знакомые крайне встревожены. Новый генсек собирается бороться с коррупцией, разлагающей страну, всерьез. Откупиться практически невозможно, поскольку к делу подключился Комитет государственной безопасности.

– Ты же понимаешь, – вещал Евлампий, – в нашей стране все делается по команде. Дадут «цу» сверху, начнутся отлов и кара. И то обстоятельство, что на подкуп идут немалые суммы, не играет в данном случае никакой роли, поскольку речь не о деньгах, а о сохранении положения. Полетят головы, – кричал Евлампий, – ох полетят!

– Что же делать? – с тревогой спросил Витя.

– А ничего! – завопил в ответ Евлампий. – Ничего, голубь мой. Как говорится: война план покажет. Будем ждать.

И дождались.

Примерно через месяц после памятного разговора Евлампий срочно вызвал к себе Витю.

– Начинается, – сообщил он с ходу. – Не сегодня-завтра до нас дойдет. Нужно срочно сворачивать дела. Цех я прикрываю, а ты рассчитайся со своими хлопцами и попроси исчезнуть из города. Ненадолго, на месяц-другой. А то начнут таскать, кто-нибудь проболтается.

– Ребята надежные... – попытался возразить Витя.

– От греха подальше. Пройдет волна, все вернется на круги своя, а пока лучше им в городе не быть.

– А я?

– Что ты? С тобой все в порядке. При деле, должность занимаешь. Так сказать, на виду. Не волнуйся. Ты-то как раз сухим из воды вылезешь.

Вите послышалась в словах Евлампия замаскированная издевка. Он надулся.

– Ты чего? – удивился родственник.

– Намеки подпускаете.

– Да брось девицу из себя строить. Все не хуже меня понимаешь. Если уж кто и попадет в оборот, так, конечно, не ты. Не будь фраером, а будь... – тут он ввернул непечатное выражение...

Евлампий долго не докучал скользкими заданиями, и Витя начинал забывать о бурных днях недавнего прошлого. Наконец Светлана родила Вите первенца, которого в честь отца тоже назвали Виктором. В материальном отношении семейка тоже не бедствовала. Евлампий регулярно подкидывал «зятю» толику от своих побочных доходов, не требуя при этом от Вити «особых услуг». Благостная пора наступила для нашего героя. Необременительная служба на родной текстильной фабрике, дом – полная чаша, любящая, весьма привлекательная супруга, легкие интрижки на стороне, подрастающий сын. Не жизнь, а малина.

И надо же такому случиться – грянула перестройка.

Как-то на очередном пикнике вокруг обильно уставленного деликатесами и дорогими напитками стола собрался местный «бомонд»: милицейский чин в полковничьих погонах, два цеховика, два чиновника достаточно высокого по городским меркам ранга, более мелкая публика, представленная директором городского рынка, популярным в женской среде гинекологом и почему-то руководителем городского лесхоза. Все вышеозначенные граждане при себе имели супруг. Присутствовал и Витя. Роль хозяина стола и одновременно тамады исполнял неутомимый Евлампий.

Гости, несколько подвыпив, яростно жевали, отдавая должное изысканным блюдам. Вкушали пищу, что называется, смачно, не обращая внимания на правила приличия. Трещали кости, разгрызаемые могучими челюстями, лоснились щеки, чавканье сливалось в единую буколическую мелодию, возможно, не весьма благозвучную, зато, несомненно, звучащую подлинным гимном жизни.

– Он – человек! – не обращаясь ни к кому конкретно, изрек вдруг Евлампий.

Когда индивидуум жует, мысли извне плохо проникают под его черепную коробку. Гости в молчании продолжали процесс поглощения пищи.

– Ну вы, уроды, – заорал Евлампий, – кончайте жрать! Что вы, мать вашу, из голодного края приехали? Адольф Савельевич?!

Директор рынка нехотя поднял голову.

– Я говорю, человек он!

– Кто? – переставая жевать, спросил Адольф Савельевич.

– Да новый!.. Генсек то есть. Как там его?..

– Горбачев, что ли?

– Он, именно он, – Евлампий взял со стола индюшачью лапу и вознес ее над головой. – Это наш человек!

Гости в тупом изумлении воззрились на хозяина. Возникла тягостная пауза. Никто, собственно, не понимал, что именно хочет сказать глава застолья.

– Вы, Евлампий Миронович, как-то так, – не совсем внятно пророкотал наконец милицкий, – что значит, наш человек? Невразумительно, прошу прощения за слово.

– Наш, наш! – оборвал его Евлампий. – То есть такой же, как мы с вами. Братки мои, – вдруг заголосил он, – долго мы ждали!.. И вот наконец!..

– Не понимаю тебя, Евлампий, – веско произнес директор лесхоза. – О чем ты? Что это? Как ты о генсеке говоришь?!

– Дураки вы, – презрительно произнес Евлампий и швырнул индюшачью лапу на стол. Она плюхнулась в клюквенное желе, брызгами разлетевшееся в разные стороны, кровавыми каплями застыв на одежде и лицах гостей. Большинство, недовольно морщась, полезло за носовыми платками.

– Помяните мое слово, – пророчествовал Евлампий, – скоро все изменится, да так, что вы и не поверите. Я в людях разбираюсь. Это вам не Андропов. Да на ручки его посмотрите. Нашли, кому дать вожжи. А говорит? Ну, прямо народный артист. Помяните мое слово, нас ждут великие перемены.

– Евлампий Миронович, вы прямо вещун, – вступил в разговор гинеколог, – что вы подразумеваете под понятием «великие перемены»? Система, что ли, рухнет?! – он визгливо засмеялся, изо рта во все стороны полетели брызги слюны и кусочки недоеденной пищи.

– А может, и система, – шепотом закончил Евлампий. – Вы правы друзья, пейте, кушайте и старайтесь не думать о том, что будет завтра.

А завтра сулило такое, о чем раньше немыслимо было и мечтать. Как гром с ясного неба грянул Закон о кооперации. То, что еще вчера было противозаконным и строго каралось, сегодня не только разрешалось, а, наоборот, приветствовалось. В определенных кругах это вызвало недоуменные толки и даже явные опасения. Жаркие дискуссии проходили на даче у Евлампия, где собирались люди, связанные с подпольным бизнесом, и чиновники, от этого бизнеса кормившиеся. У большинства господствовало единое мнение: невиданные доселе новшества ненадолго – на год, от силы на два. А сделано все для того, чтобы выявить теневиков, а потом одним махом всех и накрыть. Лишь у прозорливого Евлампия было особое мнение.

– Ни хрена вы не понимаете, – насмеялся он, – возможно, там, наверху, – он тыкал пальцем в небо, – кто-то так и рассуждает. Мол, пускай повылезают, как червяки после дождя, потом мы всех в одночасье и прижмем. Но, поверьте, стоит только отпустить вожжи, а дальше...

– Ну что, что дальше?! – с трусливой надеждой вопрошали слушатели.

– Неуправляемая стихия рынка сметет все и вся, – туманно изрекал Евлампий. – Наступит время всеобщего обогащения.

Слушатели смеялись.

– Всеобщего обогащения быть не может, – отсмеявшись, изрекал наконец самый умный.

– Конечно, не может, – подтверждал Евлампий, – но будет работать идея. Массы захотят стать богатыми. Да вы и сейчас видите. Кооперативы плодятся, как грибы. Что за люди их открывают? В основном те, кто вчера ни о чем подобном и не помышлял. Разная шушера, говоря по-нашему. Короче, все кому не лень. Подавляющее большинство завтра же разорится, но кто-то все равно выживет. Вот на этих, живучих, и нужно делать ставку. Вы поймите, там наверху тоже видят: так дальше жить нельзя. Страна в тупике, в магазинах – шаром покати, работать никто не желает. Значит?!

– Что значит? – спрашивали окружающие.

– Надо менять систему!

– Ну ты даешь! Менять систему значит подписать себе смертный приговор. Вспомни нэп. Тоже дали волю частнику, но до определенного предела. А потом разом и прихлопнули.

– Тогда у власти другие люди были, совсем другие! – не сдавался Евлампий. – Они не боялись проливать кровь, а нынешние только разглагольствуют. Помяните мое слово, власть в очень шатком положении. Вы смотрите, зашевелились на окраинах: все эти Казахстаны, Латвии, Грузии – национализм там очень силен. Если раньше его душили, причем беспощадно, то теперь он поднял голову.

– А национализм тут при чем? – спрашивали самые пытливые.

– Да при том, что вместе с лозунгом «Обогащайтесь» он развалит систему. Да и Запад в этом поможет. Вон, Германия... Объединилась! И заметьте, без всякого кровопролития.

– Ты, конечно, мудрец, Евлампий, – недоверчиво усмехались собравшиеся, – но что-то с трудом верится. Не может такого быть, чтобы нас, как папуасов... Мы ракеты в космос запускаем, и армия у нас самая сильная.

– А вот увидите!

– Что же делать? – в испуге вопрошали некоторые.

– Не терять времени. Не бояться рисковать. Поверьте, риск оправдан. Сейчас вы даже представить себе не можете, какие впереди барыши.

– В основном приходится общаться с болванами, – презрительно сказал Евлампий, оставшись один на один с Витей, – слишком они запуганы, ленивы, ограничены. Плоть от плоти системы. Не видят дальше своего носа. Впрочем, это их дело. Каждый выплывает в одиночку. Давай-ка поговорим о тебе. Какие, собственно, у тебя планы?

– Как какие? Жить-поживать... – шутливо ответил Витя.

– И добра наживать? Как наживать? Вот в чем закавыка.

– Ведь я работаю... Фабрика... Да вы все знаете не хуже меня.

– Да знаю, знаю! – досадливо махнул рукой Евлампий. – Ты ничуть не лучше остальных.

Добро он, видите ли, наживает. С моей помощью.

– Не отрицаю.

– А нужно самому!

– Что вы конкретно предлагаете?

– Да то же, что и остальным. Открой свое дело.

– Какое, например?

– Да любое. Вон хоть автостоянку. Или что-нибудь торговое. Но это будет только ширма.

А на самом деле будешь заниматься тем же, чем до сих пор.

– Не понял? – уныло спросил Витя, уже догадываясь, о чем пойдет дальше речь.

– Все ты понял! – жестко сказал Евлампий. – Прикинь, сейчас эти кооперативы плодятся как грибы. Большинству из них на первых порах кое-что обламывается, а дальше будет еще больше. Так что самое время их щипать. Облагать, так сказать, умеренной данью. Я думаю, умные ребята уже так и делают.

– Как облагать? Кто же просто так отдаст? Сразу побегут в ментовку.

– Не побегут! А основание? Ты берешь их под свою защиту. Обещаешь охранять от наездов посторонних быков, даешь определенные гарантии. Можно работать под крышей охранного предприятия. Так сказать, частного сыскного агентства. Усек?

– Усек, чего ж тут не усечь. Статья 77 – бандитизм. – Витя тяжело вздохнул. – Думал, все кончилось...

Витя уходил от Евлампия с тяжелым чувством. Ему казалось, будто он вновь погружается в бездонный черный омут, из которого, казалось, выбрался навсегда. Впрочем, он уповал на ум и смекалку Евлампия и надеялся, что старик, как всегда, окажется прав.

С подбором кадров вышло совсем не сложно. Шустрый Витя организовал спортивный кооператив «Факел», арендовав в одном из городских учебных заведений спортивный зал.

Цель, как записано в уставе «Факела», явно благородная – за очень скромную плату развивать физические данные у подростков, тем самым отвлекая их от дурного влияния улицы.

– Умница, – одобрил Евлампий, – не зря хлеб ешь.

Были закуплены тренажеры и спортивные снаряды. Оставалось только подыскать тренера. И такой нашелся. Витя и раньше немного знал его, парень занимался боксом, и небезуспешно, выполнил норму мастера спорта. Однако случилась неприятность – подрался на какой-то гулянке и крепко избил соперника. Получил два года. С тех пор Витя не встречал его, но вот совсем недавно столкнулся на улице, вернее на городском рынке. Витя вместе со Светой как раз вылезал из своей «шестерки». Вначале в неряшливо одетом парне он не узнал некогда щеголеватого подтянутого спортсмена, а тот, видимо, сразу вспомнил Витю, вначале отшатнулся, но потом подскочил, поздоровался и, не глядя в глаза, попросил занять пятерку. Витя без особой охоты достал купюру и сунул в грязную ладонь.

– На бутылку, что ли? – грубовато спросил Витя.

– Жрать нечего, – просто пояснил бывший боксер. – Перебиваюсь вот на толчке, подрабатываю. Вроде грузчика. Одним словом, бичую...

Теперь Витя вновь вспомнил о неудачливом спортсмене. Фамилия того была Леднев, а звали вроде бы Павлом. Нужно бы его найти. И, действительно, Паша Леднев оказался именно тем, кто и был нужен Вите. Он сразу же понял, что от него требуется, не ломался, не изображал оскорбленную добродетель.

Против Витиных опасений дела почти сразу пошли удачно. Начинающие коммерсанты платили, хотя и не особенно охотно, но в общем-то исправно. Ледневские быки обходили точки, вели себя уверенно и нагло и всегда возвращались с деньгами. Раз только один непонятливый бизнесмен обратился в милицию. В ход пошли связи Евлампия. Дело было прекращено, а кафе непонятливого дельца сгорело дотла. «Жалко, конечно, человека, но что делать», – размышлял об этом Витя.

Команда «Факела» набирала силу, подавляла конкурентов, расширяла сферы влияния. Вскоре в стране закрутились такие события, при которых мелкий рэкет стал казаться чем-то смешным и наивным, вроде детской игры в догонялки. Запахло бешеными деньгами. «Тройки» и «шестерки» менялись на «БМВ» и «Мерседесы», цепи и обрезы на «ТТ» и «калашниковы». Росли и ширились связи, и не только по стране, поездки за границу стали обычным делом, завязывались нужные знакомства, появлялись связи в тамошних криминальных кругах. А после 1991-го года стало казаться, что можно повернуть вообще все! Об этом же толковал и Евлампий.

– Наступили, зятек, наши времена, то, о чем, понимаешь, и не мечталось. Теперь, главное, не зарываться. Соблюдать приличия и делиться.

– С кем делиться? – не понял Витя. – Я лично ни с кем делиться не собираюсь. И разборки эти...

– Ты не больно-то из себя изображай, или думаешь, что царь и бог? Полегче, полегче. Или забыл, на чьи деньги все организовывалось?

– Во-первых, Евлампий Миронович, вы свою долю получаете регулярно! – взвился Витя. – Вашу руководящую роль никто не отрицает, но я вправе принимать некоторые решения самостоятельно. В конце концов, мои ребята...

– Твои ребята – дерьмо! – перебил его Евлампий. – И сам ты – дерьмо! Без меня ты вообще никто! Зятек дорогой! Голос прорезался?! А не боишься осиротить семью?!

– Вы это чего?! – опешил Витя.

– А того! – Лицо Евлампия стало вдруг жестким, даже страшным. Впрочем, Витя не особенно испугался. Он прекрасно понимал, что Евлампий «берет его на бас».

– Ладно, – через пару минут примирительно промолвил старик, – замнем... Но! – он по своей привычке поднял палец вверх. – Чтобы между нами не было разногласий, ты должен

слушаться меня. Насчет делиться. До сих пор ты вел, так сказать, автономное существование. К тебе приглядывались.

– Кто еще приглядывался? – вновь не сдержался Витя.

– Люди, – спокойно ответил Евлампий. – Ты думаешь, почему у тебя все идет гладко? Может, потому, что ты такой фартовый? Ошибаешься. Тебе дали, так сказать, опериться, встать на ноги. Причем благодаря моему авторитету. Сейчас начинается новая фаза. Теперь ты вместе со своими громилами вступаешь в своеобразное сообщество, которое можно назвать как угодно. Ты наверняка слышал о воровском законе.

– Так вы меня толкаете в объятия блатных! – засмеялся Витя. – Ну вы даете. Не ожидал! И вы решили, что я собираюсь отстегивать им часть навару. Ошибаетесь! Да в нашем городе не то что вора в законе, даже настоящего блатного нет. Уж я-то знаю! Короче, никому платить я не намерен. Не потому, что жалко денег. Просто боюсь потерять авторитет.

– А я разве сказал, что ты должен отстегивать местным? Вовсе нет. Но я просто хочу тебе напомнить то, что ты и без меня знаешь. В воровском мире существует межрегиональные группировки, у которых есть свои руководители, свои денежные накопления – общаки. И чтобы у тебя в будущем не возникло с ними конфликтов, нужно примкнуть и делиться. Усек?

– И кто же будет меня курировать? – не без иронии спросил Витя.

– Так ты согласен? – вместо ответа спросил Евлампий.

– Я подумаю.

– Подумай, подумай, только недолго, – в тоне старика Вите вновь послышалась угроза...

Вступление в группировку обернулось еще одним нюансом. До сих пор среди Витиных «факельщиков», как их называли в городе, не было личностей, «отмотавших срок». Теперь же он был вынужден принять в свои ряды несколько уголовных типов. Перед этим состоялся не совсем приятный разговор с Ледневым, который не одобрял подобных действий. И Витя поймал себя на мысли, что еще несколько недель назад сам твердил нечто подобное Евлампию. Однако пока что дела обстояли на редкость гладко. Эта застойная тишь начинала даже пугать Витю, или Петровича, как все его теперь называли.

И действительно, ситуация вскоре изменилась, а началом послужило неожиданное появление давнего Витинового соратника Матусовского – Композитора. Он объявился весной девяносто второго и звался теперь Стивеном Матусом, гражданином Израиля. Витя не сразу признал в холемом, разодетом в дорогие тряпки господине прежнего расхристанского Степу. Однако и сам Петрович выглядел неплохо, к тому же встреча состоялась в головном офисе «Факела», обставленном с вызывающей роскошью, рассчитанной на ошеломляющий эффект.

Композитор с легкой усмешкой оглядел кожаные диваны и кресла, хмыкнул, глянув на зеркальный потолок, с уважением осмотрел пару старинных картин, висящих на стене. А до этого состоялись традиционные объятия, которыми приветствует друг друга братва. Витю всегда смешил этот ритуал, как он считал, напоминавший повадки «голубых». Наконец Композитор уселся в кресло, сверхдлинноногая секретарша Инна подала поднос с бутылкой «Блэк лейбла» и легкой закуской. Витя наполнил бокалы янтарной жидкостью, поднял свой, с чувством произнес «за встречу» и чуть пригубил.

– Собственно, я не затем пришел, – сказал вдруг господин Матус и утер лицо пестрым носовым платком.

– Неужели?! – изумился Витя. – А я думал, просто решил навестить друга детства.

– Нет, – затряс головой Композитор, – у меня есть к тебе деловое предложение.

«Ну вот, начинается, – с тоскливой ненавистью подумал Витя, – сейчас начнет деньги просить».

– Ноу, – по-английски изрек Композитор, по кислой роже Вити, видать, прочитавший его мысли, – в средствах я не нуждаюсь, во всяком случае, в данный момент. – Он похлопал себя по левой стороне твидового пиджака, этим жестом подтверждая наличие бумажника. –

Наоборот, хочу предложить тебе очень выгодное дело. Я ведь тоже не с Луны свалился, навел о тебе справки...

– Неужели? – холодно произнес Витя.

– Так вот... – и Композитор начал излагать суть дела. Звучало все крайне увлекательно. Со слов мистера Матуса выходило следующее. Он или те, кто за ним стоял, готовы поставить гигантскую партию водки по бросовым ценам. Причем на бутылках будут самые разные, но при этом весьма привлекательные ярлыки. Даже доставку Композитор брал на себя. От Вити требовалось только одно – расплачиваться наличной валютой.

Предложение превосходило все, с чем до сих пор сталкивался Витя, поражало своей простотой и сулило сказочное обогащение. Это-то и настораживало.

– Кто на самом деле стоит за этим? – сразу же поинтересовался Витя.

– Какая тебе разница? Могу сказать одно – весьма серьезные люди.

– Не сомневаюсь, но все же?

– Если тебя что-то не устраивает, я могу обратиться к кому-нибудь еще.

– К кому например? – засмеялся Витя. – Здесь все схвачено.

– Ваш городишко не единственный в России, – скорчил презрительную гримасу Композитор.

– Городишко... Быстро же ты забыл Родину.

– Ладно, не будем юродствовать. Родина! – Степа сморщил нос. – Родина наша всегда дурно пахла.

– Однако наше говно для некоторых слаще меда, – не растерялся Витя. – Ладно, Степа, не будем пререкаться. Давай по делу. Какова стоимость первой партии?

Композитор назвал цену и количество единиц в партии. Витя подвинул к себе калькулятор. Выходило почти даром, но сама сумма была довольно внушительной.

– Таможня? – поинтересовался Витя.

– Это твои проблемы. Документы на груз в полном порядке. Все сертификаты имеются. Вы встречаете груз в Бресте и сопровождаете до места назначения.

– Мне нужно посоветоваться, – осторожно сказал Витя.

– С Евлампием? – с ехидной ухмылкой поинтересовался Степа.

– С ним, – спокойно отозвался Витя. – Так что, до завтра. А теперь вали, господин Матус. Евлампий чрезвычайно заинтересовался предложением Степы.

– Покажи-ка его визитку, – попросил он, повертел пеструю бумажку в руках, вернул Вите. – Название фирмы ничего не говорит. Скорее всего что-то подставное. Но цена, цена!.. Невероятно. Интересно, кто за ним стоит?

– Я и сам пытался выяснить.

– Видно, тамошний криминал. Может, итальянцы, может, французы, а скорее всего интернациональная группа. Короче, давай добро. С таможней я улажу.

Первые две партии разошлись по городу, но объемы поставок увеличивались, и товар приходилось реализовывать в других местах. Вот когда Витя понял прозорливость Евлампия. Без группировки это вряд ли удалось бы осуществить в полной мере.

Рассчитывались всегда непосредственно с Композитором. Данное обстоятельство не переставало удивлять Витю. Как этому, с его точки зрения, «арапу» доверяют такие суммы? Расчет за вторую партию шел в присутствии Евлампия. Потом отмечали сделку. Витя, заранее предупрежденный, оставил господина Матуса и Евлампия в сауне вдвоем, о чем уж они там говорили, старик не сообщил, но через месяц засобирался в Европу. Он прозрачно намекнул Вите, что попытается выйти на истинных хозяев водочной реки. Этому обстоятельству Витя одновременно и радовался, и огорчался. Радовался, потому что не сомневался – Евлампию удастся еще снизить цену, а огорчался, поскольку понимал – главный босс все-таки не он.

Витя часто задумывался, кто же такой на самом деле Евлампий? Директор фабрики – это понятно, воротила теневой экономики – несомненно. Но для Вити в последнее время все больше становилось очевидным: первое и второе – всего лишь маска. Хотя и накрепко приросшая к лицу, но только маска. Прошлое Евлампия покрыто полным мраком. Ему почти шестьдесят пять. Чем он занимался до того, как стал директором? Где жил, учился?.. О перипетиях своей судьбы Евлампий никогда не рассказывал. Случайно выяснилось, что он свободно владеет немецким и французским.

Не человек – загадка.

Несколько раз Витя пытался расколоть старика на откровения, но, даже подвыпив, Евлампий оставался нем, как скала. Только однажды он как бы в шутку изрек: «Меньше будешь знать, крепче будешь спать». И Витя перестал лезть с вопросами. Но перед самым отъездом Евлампий неожиданно разоткровенничался.

Как обычно, дело происходило на даче старика. Он оживленно носился по участку, блестя на солнце лысиной, переизбыток возбуждения, видимо, был вызван предстоящим путешествием. Наконец Евлампий упрятал свое кругленькое, литое, несмотря на возраст, тело в глубокое кресло из камыша, посмотрел иронически на Витю:

– Эге, зятек, ты чегой-то приуныл?

Витя действительно пребывал не в настроении. Вчера проводил время в веселой компании: сауна, массаж, возлияния, потом опять «массаж». Перепил, естественно, и это обстоятельство стало причиной семейного скандала на следующее утро.

– Со Светкой, что ли, поругался? – продолжал расспрашивать Евлампий. – Плюнь на бабу.

– Вам хорошо, – отозвался Витя, – в Европы отправляетесь...

– Ты же там бываешь, почему бы и мне не прокатиться? – резонно возразил Евлампий.

– Да я ничего. Наоборот, рад за вас.

– Вот и молодец! – Евлампий засмеялся. – Еду я, сам понимаешь, не загорать и не в рулетку играть. Дело есть дело. Тут такие события грядут. Прямо Клондайк! Люди в одночасье миллионерами становятся, настоящими, долларовыми. А мы чем хуже?

– Так вы свалить желаете? – осторожно спросил Витя.

Евлампий остро взглянул на Витю. Его серенькие глазки странно блеснули.

– Свалить? – он чмокнул губами. – Сколько мне годков существовать осталось? Кто знает. Мысль, конечно, интересная, но пока рано. Поеду посмотрю, пощупаю, – сделал пальцами трущее движение, словно проверяя ткань на качество. – Ты пока не дергайся, занимайся своим делом.

Разговор как-то сам собой затух, но Витя понял: он правильно угадал ход мыслей Евлампия. Дальше случились события, с одной стороны удивительные, а с другой – вполне закономерные. После памятного разговора Евлампий зачастил за кордон. Побывал он там, наверное, раз пять, а в последнюю поездку произошла трагедия. Где-то на юге Италии лихой старец Евлампий попал в автокатастрофу и приказал долго жить. Его обезображенное тело в наглухо запаянном гробу вскоре прибыло на родину из страны пиний и кипарисов. Сопровождал гроб какой-то мелкий дипчиновник из российского консульства в Неаполе. Он настойчиво советовал гроб не вскрывать, поскольку то, что некогда было Евлампием Мироновичем Кривоносом, превратилось в месиво из мяса и костей.

Благоразумный Витя последовал рекомендации «неаполитанца», хотя ему ужасно хотелось самолично проверить содержимое гроба.

Случилась трагедия как раз накануне октябрьских событий 1993 года. Закатали, как и полагается, пышные похороны, на которые собрался, казалось, весь город. Звучало множество речей, и слезы лились, и стенания раздавались. Однако в глазах многих читалось явное недоверие.

Как бы там ни было на самом деле, Витя остался один. Впрочем, он не особенно огорчился этому обстоятельству. Налаженное дело приносило стабильный доход.

Глава 6

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Костины страхи куда-то отступили, он словно окунулся в детство. И пахло, как в детстве, пыльными портьерами, мастикой для натирания полов, ванильным мороженым. Все казалось настолько родным, что Костя чуть не прослезился. Демонстрировался мультфильм «Боцман и попугай». Костя даже удивился: для кого, спрашивается, показывают детские мультики в столь поздний час? Однако вскоре вместо безобидных проделок попугайского семейства на экране замелькала анимация совсем иного свойства, которую иначе как порнографией не назовешь. Несмотря на занимательное зрелище, в зале находилось от силы человек десять, в основном подростков, которые визжали и гоготали, как бешеные. Однако их вопли Косте ничуть не мешали. Он и на экран-то смотрел без особого интереса, продолжая размышлять о своих проблемах. Что все-таки делать? Наверное, самое правильное – пойти на встречу в парк, объяснить, как все получилось, вернуть деньги и оружие.

Костя вышел на улицу и огляделся. Было еще светло, жара спала, по улице медленно проползла поливальная машина, мокрый асфальт сверкал радужными разводами. Перескакивая через лужи, повизгивали девчонки в сверхкоротких юбках. Жизнь была ключом. Костя ощутил вдруг висевший под мышкой «ГТ» и скрипнул зубами от злости. Все люди как люди. Веселятся, влюбляются, даже, вон, пиво пьют прямо из жестянок, а он! Как последний идиот, влип в такую грязь, из которой, похоже, и выхода не видно. Ладно, потопаем в парк.

Почти совсем стемнело, но он прекрасно ориентировался и впотьмах. Еще бы. Все тут знакомо с самого раннего детства, все закоулки облазил, все тропинки исходил, каждая дыра исследована на брюхе. Костя нырнул в пролом изгороди. Кажется, он идет в правильном направлении. Точно. Вон вдалеке показался тусклый фонарь над бильярдной. Костя замедлил шаг, прислушался. Ему показалось, кто-то крадется следом. Нет, все тихо. Просто прошлогодняя листва шуршит под ногами, и оттого мерещится всякая чертовщина. А может, это от страха?

Костя прижался к стволу старого дуба и замер.

В парке бушевала весна. Цвела сирень, соловьи с неистовой силой выводили свои щелкающие рулады. Гулять бы здесь сейчас с девчонкой, а вместо этого... Эх! От тоски в носу защипало и слезы навернулись на глаза. Какой же он дурак!

Наконец вдали послышались невнятные голоса. Показались две мужские фигуры, в одной из которых Костя узнал Зуба.

– Ну и где эта сука?! – спросил второй человек, и Костя понял, тот самый, который давал пистолет и деньги.

– Придет, наверное, – неуверенно отозвался Зуб.

– Придет! А если не придет? Сколько его ждать. И откуда ты выкопал этакую вонючку. Дезертирчика нашел на нашу голову. Спасибо за подарок, браток.

– Костя, эй, Костя?! – крикнул Зуб.

Костя медлил. Выходить или не выходить? И эти слова – «искать не будут». Костя полодел.

– Костярин? – вновь заорал Зуб. – Выходи, бедолага, бить не будем.

Костя нерешительно отделился от дерева и двинулся на свет.

– А вот и он! – изображая неподдельную радость, фальшиво захохотал Зуб. – Я же говорил, придет братан, придет!

Костя сунул руку за пазуху, вытащил пистолет, решив первым делом избавиться от опасной игрушки.

– Не двигайся, – угрожающе произнес второй человек, видимо пристально следивший за Костиными манипуляциями.

В это мгновение слева от Кости из кустов ударил выстрел. Пуля угодила во второго, и он без звука рухнул ничком.

Костя среагировал мгновенно.

За месяцы службы в Чечне у него выработался рефлекс: стреляют – падай. И он бросился на землю. У Зуба, видимо, подобного рефлекса не имелось. Он бестолково заметался в круге света.

Костя поднял голову:

– Ложись, – крикнул он, – ложись, дурак!

Но тут грохнул новый выстрел. Зуб словно споткнулся о невидимую проволоку.

Все, понял Костя. Однако это был еще не конец. Куда попала пуля, не понять, но Зуб был только ранен. По-заячьи вереща, он катался в пыли, а потом пополз, не переставая кричать.

Косте уже приходилось видеть, как убивают людей, но такого нечеловеческого крика он в своей жизни еще не слышал. Зуб, загребая правой рукой, судорожно дергался в пыли, однако третий выстрел положил конец его мучениям. Над старым парком повисла гнетущая тишина. Замолчали даже соловьи...

Сколько он пролежал без движения – полчаса, час, а может, больше, он не знал. Соловьи вновь завели свое шелканье. Остаться без движения больше было не в состоянии. Парень медленно поднялся, ожидая, что вот-вот получит пулю. Но, похоже, никто его убивать не собирался, иначе бы давно пристрелили. Наконец он выпрямился во весь свой немаленький рост и только тут передернул затвор «ТТ». Но и эти его действия не вызвали ответной реакции.

Не разбирая дороги, он рванулся прочь...

Витя уже собирался ложиться спать, когда раздался телефонный звонок. Звонили по сотовому. Кто бы это мог быть? Почему-то сразу же он понял, звонок несет неприятности. Так и оказалось.

– Петрович? – услышал он в трубке растерянный голос и тотчас узнал Клюку. Именно Клюка пас пацаненка-дезертира, которому отводилась роль подсадной утки.

– Чего тебе? – недовольно пробурчал Витя. – Забыл, который час?!

– Тут такое случилось!.. – зачастил Клюка.

– Откуда звонишь? – строго спросил Витя.

– Да по «банану», по «сотке», ты же сам велел, если что экстренно.

– Ну?

– Замочили Харю и этого дуруплета Зуба.

– Кто замочил? – похолодел Витя.

– Этот, за которым я весь день хлял. Парень оказался крут. Мне кажется, он вовсе не тот, за кого себя выдавал.

– Ты где? – спросил Витя.

– На Ильинской, возле парка.

– На тачке?

– Ага.

– Давай подъезжай, живо!

– Через десять минут буду.

– Так, – сказал вслух Витя, – так, – повторил он. – Понятно. – Он оделся, вышел к воротам дома и стал ждать. Машина подошла почти тотчас же. Витя сел на заднее сиденье.

– Чем это у тебя тут воняет? – повея носом, брезгливо спросил он.

– Воняет? – удивился Клюка. – Ничем, шеф, не воняет. Может, рыбой? Мы тут леща с пивом ели.

- Ладно, черт с ним. Давай докладывай.
- Ага. Значит, пас я этого паренька...
- Дальше! Не нужно сопли размазывать, по делу говори.
- До десяти он сидел в киношке. Вышел – я следом. Вел себя непонятно, видно, почуял слежку. То чуть ли не бегом бежит, то столбом встанет посреди улицы. Потом, в парке – уж на что я осторожно шел – он несколько раз останавливался.
- Ну-ну?
- Короче, пришли мы к заброшенной бильярдной. Там еще никого не было. Он сразу к фонарю не пошел, затаился. Потом появились наши. По правде сказать, перли они безо всякой опаски. Идут, базарят...
- Идиоты!
- Особенно Зуб старался, орал на весь парк. Звал этого...
- Вот и достарлся.
- Короче, тот им навстречу.
- Кто тот?
- Ну этот. Костя, что ли. Сразу достал ствол и давай шмалять. Первого Харю, потом Зуба. Главное, прикончил их, подошел проверил, а потом ломанулся.
- А точно он стрелял?
- Да кому же еще?!
- Мало ли. Может, их в засаде кто ждал.
- Нет, он. Темно, конечно, но я точно разглядел, как он вытащил пушку, а следом выстрел.
- Вот ты говоришь, парень к ним подошел. Зачем?
- Я же сказал, убедиться, что грохнул обоих.
- Он их не обыскивал?
- Даже не нагнулся. Просто взглянул, а потом побежал.
- Ты, наверное, просто испугался?
- Не без этого, – проямлил Клюка. – Так и любой на моем месте, – горячо затараторил он, – двоих ведь – на моих глазах...
- Хорошо, вопрос снят. Давай-ка разберемся. Зачем ему нужно было убивать Харю и Зуба?
- Ну ты даешь, Петрович! Я-то откуда знаю!
- Совсем непонятно, – задумчиво сказал Витя.
- Я так думаю, Петрович, это вовсе не тот, на кого мы ставили.
- А кто?
- Другой. Его или подсунули нам, или после подменили. Уж как профессионально вел себя. И стрелял...
- Н-да. – Витя вздохнул. – Вляпались!
- Что делать? – осторожно поинтересовался Клюка.
- Что делать, что делать! Найти его надо. И грохнуть!
- Где ж искать?
- Не знаю, братан, не знаю! Где хочешь. Ты его упустил. Рыжий где?
- Дома, наверное. Дрыхнет.
- Вот бери его, и вперед!
- Итак целый день на ногах... – Клюка был явно недоволен.
- Понимаю, тяжело. Но упустил его ты. И вот что – если вы до утра найдете его и грохнете, получите премиальные. Ты – две штуки баксов, а Рыжий – одну. Нормально?
- Ну, шеф, – повеселел Клюка, – несть числа твоим щедротам.

– Постарайтесь без особого шума, но лучше всего, если захватите живым, тогда сумма премиальных увеличивается вдвое.

– Благодетель! – завопил Клюка.

– Кончай дуру гнать, когда только серьезным станешь?!

– На том свете, – отозвался Клюка, но, видимо, вспомнив о судьбе своих корешей, помрачнел и постучал костяшками пальцев по рулю.

– Прежде всего на вашем месте я отправился бы на автовокзал, – подсказал Витя.

– Почему?

– Потому что он ближе всего от парка. Там всегда полно народу... Крутится разная шантрапа, там легко затеряться.

– Автовокзал после двенадцати ночи закрывается, – сообщил Клюка.

– Ну и что? Закрываются только кассы. А в самом здании всегда народ.

– Но и менты там тоже всегда, – резонно заметил Клюка. – А у него пушка.

– Пистолет он мог и выкинуть. Тем более, патроны у него на нуле.

– Это если допустить, что он именно тот, за кого мы его принимаем. А если нет, то скорее всего патроны у него есть.

– Если он – чужой, ему бежать незачем. Сделал дело – и к своим. Пока принимаем за основу, что он все-таки дезертир, а в этом случае домой он не побежит, понимает, там мы будем искать его в первую очередь. Так что – вперед. – Витя вылез из пропахшей пивом машины и поплелся домой. Спать совершенно расхотелось.

Костя бросился бежать с места происшествия – только ветер в ушах засвистел. В эту минуту он вообще ни о чем не думал, стараясь покинуть злостный парк как можно быстрее. Ветки кустарника хлестали по лицу, грозя выколоть глаза, ноги цеплялись за корневища деревьев, но Костя стремительно неся вперед. Наконец он выскочил за территорию парка. Только сейчас мелькнула мысль: куда дальше? Совершенно очевидно – нужно рвать из города. Куда? Наверное, проще всего в Москву. Там легче всего затеряться. И Костя, как правильно угадал Петрович, отправился на автовокзал.

Автовокзал, приземистое, похожее на огромную коробку из-под обуви здание, находился не то чтобы на окраине, а скорее на отшибе. Поблизости не было крупных жилых массивов, лишь кое-где были разбросаны довольно ветхие одно- и двухэтажные домишки еще довоенной постройки. Народ, ютившийся в этом, большей частью аварийном, жилье, вполне подходил под определение «специфический контингент». Еще в далекие пятидесятые-шестидесятые годы, задолго до постройки автовокзала, район этот пользовался дурной славой. Здесь запросто могли раздеть, вывернуть карманы у подвыпившего гражданина, а то и ножичком пырнуть. Появление автовокзала только добавило этим местам недоброй славы. На вокзале и на ведущих от него трамвайной и троллейбусной линиях всюду орудовали карманники, тут же развились аферисты, всякого рода лохотронщики: спецы по моментальным лотереям, наперсточники, мелкие карточные шулеры. Вокруг вокзала поставили много ларьков и павильончиков, торговавших сомнительными напитками и продуктами. Тут жарились шашлыки и чебуреки из подозрительного по происхождению и свежести мяса. Одним словом, автовокзал вряд ли можно было назвать очагом культуры. Но в данный момент все эти обстоятельства Косте были безразличны. Он мечтал только об одном – поскорее уехать из города. И, когда впереди показались огни автовокзала, он немного успокоился.

Не успел Костя войти в помещение вокзала, как к нему тут же подскочил один из таких проныр.

– Косячок? – шепотом предложил он.

– Отвали! – грубо сказал Костя пацану. Тот, ничуть не обидевшись, нырнул в толпу.

Костя потолкался в душном зале, стараясь не наступать на ноги спящих, пробился к каскам и узнал, что откроются они только в шесть утра.

– Тебе куда, парень? – поинтересовался у него какой-то юркий мужичонка неопределенных лет, облаченный в джинсовую униформу.

– В Москву.

– Сто баксов, – последовало предложение.

– Сто долларов? – изумился Костя.

– Точно.

– Дороговато.

Юркий сразу же потерял к нему интерес. Впрочем, Костя готов был выложить и большую сумму, его насторожил слишком пронырливый вид человечка. Он подошел к торговке пирожками и купил четыре штуки: два с картошкой и два с творогом. Пирожки оказались очень вкусными, а может, Костя просто проголодался и готов был слопать любую дрянь.

Где-то справа слышались выкрики: «На Москву! Кто желает на Москву? Через три часа в столице. Подходите, граждане, через пятнадцать минут отъезжаем».

Дожевывая на ходу последний пирожок, Костя рванулся на призыв. Кричал все тот же юркий мужичонка. Он стоял перед распахнутой дверью японского микроавтобуса. Желающих отправиться в столицу почему-то не находилось.

«Черт с ним, – мгновенно решил Костя, – поеду, деваться некуда». Он подошел к мужику.

– Можно садиться?

Человечек быстро глянул на него, узнал.

– Надумал? А деньги-то у тебя есть?

– Найдем, – отозвался Костя.

– Знаешь, парень, ты пока единственный пассажир. Объявятся хотя бы еще двое, поедем.

Так что погуляй пока.

– Когда же они найдутся?

– Да кто ж его знает? – пожал плечами мужик. – Может, через пять минут, а может, через час. Как угадаешь?

Костя отошел в сторону. И тут неудача. Он был настолько поглощен своими проблемами, что даже не обратил внимания на двух парней, которые минут пять уже ходили за ним по пятам.

– Вот он! – Клюка ткнул рыжего напарника в бок, кивая на долговязую сутуловатую фигуру Кости. – Петрович точно вычислил, куда этот лох двинет. Теперь он наш. – Рыжий молча кивнул. – Сейчас разберемся, – продолжил Клюка, – на предмет его планов.

Как раз в это время Костя отправился к микроавтобусу.

– Ясно, – подытожил Клюка, – в Москву намерен сорваться. Считай, Вовка, деньги у нас в кармане. Значит, будем действовать так. Я сяду в нашу тачку за руль, а ты подвали к нему, скажи, мол, ищешь попутчика до Москвы. Цена, мол, умеренная. Наболтай что-нибудь. Короче, уговори. Сядешь с ним на заднее сиденье, и поехали. Вначале я действительно двину по московской трассе, чтобы он раньше времени не дергался. Потом сверну на кольцевую, и прямо к Петровичу. В темноте он вряд ли разберется, что мы ушли в сторону, а если въедет и начнет психовать, ты выруби его, но несильно. Есть чем?

Рыжий молча достал из кармана кастет.

– Нормалек. И вот еще. Постарайся разговорами его отвлечь. Анекдот расскажи или еще какую туфту лепи. Главное, чтоб не психовал. Тем более, у него ствол есть. А приедем к Петровичу, разберемся. Я пока ему звякну, обскажу, как удачно все складывается. Въехал?

– Да я не очень-то насчет побазарить, – уныло сказал Рыжий.

– Да знаю я! Спокойнее, Вован. Я тоже впрягусь. Навешаем ему лапши на уши...

– Сам же говорил: он – тертый.

- Ай! Кончай восьмерки вить. Вперед.
Костю тронул кто-то за рукав куртки. Он обернулся.
- Слышь, земляк? – Перед ним стоял высокий, примерно одного с Костей роста, рыжий парень. – Ты вроде в Москву собрался?
- И что? – Костя внимательно смотрел на рыжего.
- Я тоже, – доверительно сообщил рыжий, – попутчика, видишь, ищу.
- Так поехали. – Костя кивнул на микроавтобус.
- Дороговато он просит, – рыжий указал пальцем на юркового человечка, – я тут подешевле нашел. Всего за полтинник. Но нужен еще один человек.
- Сколько нас? – не чуя опасности, спросил Костя.
- С тобой двое... и водила.
- Пересыпанная «феней» лексика рыжего парня немного смушала Костю, однако сейчас на тюремном жаргоне изъясняются даже те, кто и близко там не бывал. И Костя успокоился. Они обошли автовокзал и оказались на стоянке транспорта.
- Вот на этой поедем, – рыжий ткнул пальцем в темный «БМВ». При свете ртутных светильников трудно было разобрать, какого цвета машина. Косте показалось – синяя.
- Садись, – услужливо распахнул рыжий дверь перед Костей, – смелее, земляк. Не тушуйся, за все заплачено.
- Не платили же еще? – удивился Костя.
- Ну ты даешь! – оскалился рыжий. – Это же мулька такая. – Он уселся рядом с Костей, бросил водителю: – Поехали, шеф.
- В салоне пахло какой-то кислятиной.
- Можно, я окно открою? – сказал Костя, обращаясь к водителю.
- Открывай, конечно, – встрял рыжий, – и кури, если хочешь.
- Я не курю, – пояснил Костя.
- Молодец. Это ты правильно, курить – здоровью вредить.
- Водитель откровенно фыркнул, но вновь промолчал.
- А хочешь, анекдот расскажу, – не унимался рыжий, – клевый такой анекдотец. Когда я чалился в СИЗО, у нас там один псих был, старичок, его потом в дурильник отправили. Так он этот анекдот каждый день рассказывал, как молитву, перед жратвой. Поэтому я и запомнил.
- А других не знаешь? – неожиданно спросил водитель.
- Вот уж нет. Я их не запоминаю. А этот запомнил. Еще б не запомнить, он его дней десять рассказывал, да по три раза на дню. С ума сойти можно было. Вот, слушайте. Посадили раз... Нет, не то. Сейчас... Ага... Сидят в тюрьме... Постой... Как же там...
- Мало он, видать, рассказывал, раз ты толком запомнить не смог.
- Погоди погоди... А, вот! Прикандёхала в тюрьму комиссия с проверкой. Ходят по камерам, спрашивают, кто за что парится. А это тюрьма не простая, а звериная была.
- Зоопарк, что ли? – спросил водитель с насмешкой.
- Вроде. Так вот. Ходят они, спрашивают... Медведя спросили, тот говорит: бандитизм, 77-я. Лиса – за проституцию...
- В нашем законодательстве нет статьи за проституцию, – вновь перебил рыжего водителя.
- Ничего себе! А как же тогда... Точно знаешь?
- Точно, точно – давай дальше.
- Заяц, значит, на карманной тяге попался, а в одной камере цыпленок сидит. Его спрашивают, а ты, пернатый, за что? А я, отвечает, политический, пионера в жопу клюнул. Сто шестнадцать – пополам!
- Ну?!
- Дальше, – потребовал водитель.

– Дальше еще не сочинили.

– И это все?

– Ага.

– Этому твоему анекдоту лет сто, его еще при Берии рассказывали.

– При каком Берии?

– Был один такой... Во времена Сталина.

– Не знаю, не слышал. Так вот. Этот старичок твердит и твердит. Мы-то все привыкли, а имелся в камере один хохол, он косил на то, что бабу свою по нечаянности кокнул, а на самом деле громила, душегуб... Где-то, не то в Мелитополе, не то в Полтаве, людей резал и... Забыл, что он с трупами делал. Так вот. Хохол слушал-слушал, а однажды бросился на старичка, загнал его под шконку, орет: «Я тебе зараз, как твоего пионера...» Мы потом ржали целый день.

– Интересная история, – прокомментировал шофер. – Ты, видать, мужик, горя хапнул.

– Не без того, – гордо ответил рыжий. – Тебя, парень, как звать? – толкнул он Костю.

Тот нехотя ответил.

– А меня – Вован. Ты чего в Москву попер?

– По делам, – односложно ответил Костя.

– А по утрам никак нельзя было?

– Чего ты к парню привязался, видишь, ему не до тебя. Пускай кемарит. А ты лучше трёкай дальше. Про тюрягу расскажи, про блатные обычаи...

– Эй, парень, ты что, задремал?

Костя тряхнул головой, сбрасывая наваждение, но снова бессильно уронил ее вниз.

– Оставь, – услышал сквозь сон. Эти слова произнес водитель. – Пускай спит. Так даже еще лучше.

– Но ты же приказал непрерывно разговаривать?

– Кончай придуриваться.

«О чем это они? – никак не мог сообразить сквозь сон Костя. – Что значит – «приказал непрерывно разговаривать»? Чепуха какая-то».

Он с усилием поднял голову и взглянул вперед. Свет фар на мгновение высветил табличку «Пос. Тимирязевский». Костя хорошо знал это место. Одно лето вместе со школой они работали здесь на уборке ранних овощей. Но Тимирязевский стоит вовсе не на московской трассе, а в стороне, на кольцевой автодороге, которая ведет назад в город. Неужели свернули, пока он дремал?

– Куда это мы едем? – спросил Костя водителя.

– Куда, куда, – вместо водителя отозвался рыжий. – В Москву, браток, в Москву. Разгонять тоску...

– Чего ты мне уши трешь? – Костя решил разговаривать с рыжим на его же языке. – Тимирязево вон проезжали, дальше будет Масленкино, а там почти город. Пригородный район «Островок». Вы вообще кто такие?

– Мы-то? – переспросил водитель. – Обыкновенные ребята... А вот ты сам кто?

– Да-да, кто ты такой? – не предвещавшим ничего хорошего голосом произнес рыжий. – Я, понимаешь, ему анекдоты травлю, развлекаю всю дорогу, а он, бляха-муха, ноль внимания. Гляди, какой культурный. Анекдоты мои ему не нравятся.

– В таком случае мочи его, Вован, – потребовал водитель.

Костя не стал дожидаться, пока его «будут мочить», сунул руку за пазуху за пистолетом и одновременно бросился ничком на сиденье, упершись головой в ноги рыжего.

– Выруби его! – кричал водитель. – Чего ты копаешься?!

Но в тесноте салона орудовать кастетом было не так-то просто. Рыжий молотил куда попало, но никак не мог попасть по голове. Первый же удар, пришедшийся под правую лопатку, причинил такую боль, что Костя громко застонал. Теперь уже было не до пистолета. Костя

обеими руками вцепился в рыжего, не давая ему как следует размахнуться, а зубами вгрызлся в то, что имелось у парня между ног.

– Ой!!! – дурным голосом заорал рыжий. – Ой!!! Он мне сейчас... откусит!!!

– Подожди, Вован, подожди, я тачку остановлю...

«С двумя мне не справиться», – мелькнуло в голове. Не отпуская рыжего, Костя, изловчившись, лягнул ногой водителя, попав тому в голову.

– Ах ты, сука! – взвыл тот. – Ну, держись, падла!!!

– Смотри вперед! – завопил рыжий. Прямо на них несся огромный трейлер. Водитель резко взял вправо, но не справился с управлением. Машину выбросило с дороги, она перелетела через кювет и, словно подброшенная ногой жестянка, закувыркалась по полю.

Костю спасло то обстоятельство, что он оказался под рыжим. Невероятная сила крутила, сдавливала, разрывала тело. Он словно находился внутри огромного, бешено вращающегося миксера. «Теперь уж точно конец», – возникла последняя мысль, и он потерял сознание...

Страшно болит голова. Костя провел ладонью по лицу, волосам. Ладонь стала мокрой. Кровь. Его замутило, и на землю изверглось содержимое желудка. Минуты две Костю выворачивало наизнанку. Наконец он выпрямился и бессмысленно заозирался вокруг. Далеко влево, где осталось шоссе, изредка мелькали фары пронесившихся машин.

Костя, покачиваясь, словно пьяный, побрел прочь, но некий дискомфорт заставил его остановиться. Он зябко поежился и только тут сообразил: он гол по пояс, отсутствует спортивная куртка, и на левой ноге не хватает кроссовки.

Вернуться? Костя неуверенно затоптался на месте, потом все же побрел назад к машине. Куртку он нашел сразу, она валялась поверх бездыханного тела рыжего, потянул на себя, из рукава выпал пистолет. Костя поднял ненужную теперь железку, повертел в руках, хотел отшвырнуть, но потом передумал. Самодельная португеза до сих пор болталась под мышкой. Он засунул в нее «ТТ», натянул куртку, стал искать кроссовку. Однако при каждом наклоне голова словно взрывалась от боли. Надо идти босиком. Он снял и зашвырнул в поле вторую кроссовку. Сделал несколько шагов – острый гравий колот ступни. Так ему далеко не уйти. Остается одно – снять кроссовки с рыжего. Так Костя и сделал, те пришлись как раз впору. Кроссовки оказались мягкими и удобными, не то что его китайская дрянь. Теперь можно идти.

Костя еще раз глянул на освещаемый луной перевернутый «БМВ» и побрел прочь.

Глава 7

НОВЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Громкий хлопок – и «восьмерку» повело вправо. «Колесо!» – поняла Наташа. Она резко нажала на педаль тормоза, при этом больно ударившись подбородком о руль. Выскочила из машины, в сердцах хлопнув дверцей. В полумраке наступающего утра все вокруг казалось серым, словно нарисованным сепией. Стояла полная тишина, птицы еще не проснулись, лишь где-то вдалеке еле слышно прокукарекал петух.

Наташа обошла машину. Так и есть – правое переднее!.. И, видать, здоровенная дырища, колесо спустило почти мгновенно. Слава богу, у нее есть запаска. Вот только она никогда в жизни не меняла колес. Видела, как это делается, но сама – ни разу. Ничего, как-нибудь разберемся.

Она снова уселась за руль, достала из сумочки сигареты, закурила. Как по-дурацки получилось! Она в сердцах стукнула кулачком по рулевой колонке. Резкий звук сигнала прорезал тишину. Наташа отшвырнула сигарету и заплакала. Все складывалось – хуже не придумаешь. Муж, Валентин, вчера днем отправился в Москву по торговым делам, сказал: вернется только в воскресенье. Наташа не возражала – надо, так надо. Потом позвонил Павел. Она обрадовалась. Павел пригласил к себе на дачу. Она как дура отправилась к нему. Однако свидание, так приятно начинавшееся, переросло в крупный разговор, потом в ссору. Под утро она обругала любовника последними словами и сорвалась в город. Он не стал удерживать, как она втайне надеялась. И вот результат! Однако чего распускать нюни?! Она достала новую сигарету. Но сидеть было не в состоянии, и Наташа опять вышла на дорогу.

Кусты в лесу неподалеку затрещали. Наташа вздрогнула. Наверное, животное какое, лось или косуля. Павел рассказывал: в лесу вокруг дачи много косуль бегают. Но это оказалась вовсе не косуля. Она увидела силуэт человека, медленно бредущего к дороге. Вначале обрадовалась, но, всмотревшись, испугалась по-настоящему. Человек шел медленно, точно пьяный, крепясь на один бок. Кто это? И почему бродит по лесу в столь неурочный час? Она бросилась в машину, дрожащими руками лихорадочно стала рыться в сумочке, наконец нашла баллончик с газом, выставила его на изготовку.

Человек приближался.

– Не подходи! – крикнула Наташа.

Человек молча шел на нее.

– Не подходи, я сказала!!! – завизжала Наташа. – Хуже будет!

Тут она разглядела – неизвестный был весь в крови.

Так, все! Ну, попала! Что же делать?! Звать на помощь?! Кого?!

– Помогите, – пискнула Наташа, голос внезапно осел, будто она хлебнула ледяного пива.

– Не бойтесь, – прошептал незнакомец, – я вам ничего не сделаю. Пожалуйста, помогите мне добраться до города.

Наташа отскочила за машину, встала по другую сторону «восьмерки» и постаралась рассмотреть человека повнимательнее. Перед ней стоял молодой, высокий, стриженный наголо парень с залитыми кровью головой и лицом, одетый в спортивный костюм. Вид у парня был весьма дикий, вызывавший одновременно страх и жалость.

– Ты кто? – спросила Наташа.

– Костя. В лесу заблудился... плутал... Вы меня не бойтесь.

– А я и не боюсь, – солгала Наташа, – чего мне бояться, у меня защита имеется, – она помахала перед собой баллончиком. – Вот говоришь, в лесу плутал, а почему в крови? Да и как тут заплутаешь? Совсем рядом деревня, кругом дачи, до города полчаса езды. Врешь ты все, парень. Ты, наверное, убил кого?

– Меня чуть не убили, – равнодушно сообщил Костя.

– Как так?

– Долго рассказывать. Так подвезете меня в город?

Наташа, стараясь не смотреть на парня, немного помолчала, потом искоса глянула в его сторону. Ведет себя не агрессивно, на пьяного не похож. Может, действительно правду говорит?

– Послушай, – сказала она, – я бы тебя с удовольствием подвезла, но, понимаешь, сама загораю. – Она указала пальцем на колесо. – Проколола, вот. Поэтому и стою тут...

– А почему не поменяете? Вот же у вас запаска лежит.

– Не умею, понимаешь ли. Никогда не делала ничего подобного.

– Я бы помог, – неуверенно произнес Костя, – но, боюсь, сил не хватит. Стоит нагнуться, голова сильно кружится, боюсь, сознание потеряю. Попробовать, конечно, можно...

– Нет уж! Не стоит и пытаться. Если ты вырубись, что я делать буду? Давай осмотрю твои раны. – Наташа подошла к парню. – Нагни голову. – Лицо, покрытое коркой почерневшей крови, выглядело смертельно бледным, на голове зияла большая рана с рваными краями, покрытая коркой запекшейся крови. Хорошо, что почти не было волос.

– Нужно перевязать.

Парень кивнул, видно, не возражал.

Наташа достала аптечку, потом критически взглянула на парня.

– Сначала бы хорошо кровь смыть. Постой, я сейчас...

Она достала из багажника ведро, спустилась с дороги, зачерпнула из глубокого бочага пахнущей тиной воды. Когда вернулась, парень все так же безучастно стоял возле машины.

Наташа достала из аптечки вату, намочила и стала осторожно отмывать Косте лицо от пятен крови. Дальше настала очередь головы. Краев раны она старалась не касаться. Потом в ход пошли йод и, наконец, бинт. Она неплохо справилась со своим делом, вспомнив навыки, полученные на курсах медсестер, которые прошла, учась в педагогическом. Все когда-нибудь пригодится.

– Нормально, – изрекла Наташа, разглядывая дело своих рук, – жить будешь. Выпей-ка вот, – она сунула в грязную ладонь две таблетки димедрола.

– У меня все во рту пересохло, – сказал парень, – не смогу проглотить.

– Погоди, у меня в машине бутылка кока-колы.

– Спасибо, – поблагодарил парень, запив прямо из горлышка проглоченные таблетки. – Давайте я все же попробую вам помочь.

– Ничего не выйдет, – возразила Наташа, – ты, видать, много крови потерял, поэтому и голова кружится. Стой уж. Сейчас кто-нибудь поедет мимо, попросим, не откажет. Если что, я заплачу.

– Стоит ли ждать, – парень явно был настойчив, – давайте я буду говорить, что нужно делать, а вы... – он не договорил.

– А правда, попробуем, – оживилась Наташа. – Долго это?

– Если умеючи, минут десять. Возьмите домкрат, слева возле колеса есть втулка, суньте туда вот этот рычаг. Так, нормально. Крутите ручку... Достаточно... Теперь найдите монтировку, снимите колпак, открутите гайки... Вот видите, у вас неплохо получается.

Удивляясь самой себе, Наташа, следуя инструкциям парня, довольно быстро справилась с совсем недавно казавшейся непосильной задачей. Можно было ехать.

– Не знаю, как и благодарить, – обрадовалась Наташа, – садись, поедем в город. – Парень уселся рядом.

– Так что все-таки с тобой случилось? – осторожно спросила Наташа, трогаясь с места. И Костя, непонятно почему, видимо, испытывая неодолимую потребность выговориться, вдруг стал рассказывать совершенно незнакомому человеку о своих похождениях.

– Неужели все это случилось в действительности? – тем не менее поинтересовалась Наташа.

Костя вытащил из-за пазухи пистолет, взяв его за ствол, сунул под нос Наташе.

– Убери! – потребовала она.

Тогда Костя полез в потайной карманчик, пришитый им же самим к трусам, извлек свернутые в трубочку доллары и тоже сунул под нос Наташе. Девушка притормозила у обочины, потом взяла в руки доллары, осмотрела их, скептически повертела расставленные веером купюры перед носом, на этот раз, Кости.

– Ты баксы до этого когда-нибудь в руках держал?

– Не так чтобы очень, – смутился Костя, – а что?

– Да то, что тебе сунули липу. Ты понял?! Это не доллары, а подделка, причем дешевая. На цветном ксероксе сработаны... Ты, парень, как выражаются в американских фильмах, по уши в дерьме. И стремительно погружаешься в него все глубже и глубже. И я, дура, вляпалась, связавшись с тобой.

– Вы-то тут при чем? – зло бросил Костя. – Высадите меня в городе, и дело с концом.

– Высадите?! – Наташа врубила сразу четвертую скорость. Машина несколько раз дернулась и заглохла. – Этого еще не хватало. – Наташа в сердцах чертыхнулась. – Высадить, конечно, можно, а что ты будешь делать дальше?

– А вам-то какое дело? Пойду домой, выплую, потом двину сдаваться в милицию.

– А если возле дома тебя уже ждут? Коли твой рассказ – правда, так скорее всего и будет. И до кровати ты просто не доберешься.

– Все правильно, – обреченно произнес Костя.

– Я могу тебе помочь, – неожиданно для самой себя вымолвила Наташа. – Есть один человек... Но только ты должен рассказать ему все, вот как мне сейчас.

– Какой еще человек?

– Неважно. Ведь тебе терять нечего?

Костя кивнул.

Наташе Петровой совсем недавно исполнилось двадцать пять лет. Это было миниатюрное рыжеволосое, голубоглазое создание, внешне напоминавшее певицу Анжелику Варум. Однако характер у Наташи был далеко не ангельский. Скорее она своим нравом походила на молодую хищную кошечку, которая то ластится к ногам своего хозяина, то вдруг – ни с того ни с сего – выпускает острые коготки и может больно поранить.

Наташа окончила педвуз, но ни дня не работала в школе. Некоторое время она подвизалась в туристическом агентстве, но, когда выяснилось, что для продвижения по служебной лестнице нужно спать с несимпатичным шефом, плюнула и отправилась учиться искусству макияжа на курсы, громко именуемые Всероссийским институтом красоты. Наташа была вовсе не против постельных контактов, но ценила себя достаточно высоко и ложиться с кем попало не собиралась.

К тому времени она уже развелась с первым мужем, который хотя и происходил из влиятельной в городе семьи, но оказался пьяницей и бабником, обладавшим впечатляющей внешностью. Денег у него отродясь не водилось, ни работать, ни торговать, ни воровать он не желал, считая себя непризнанным литературным гением, и уверял всех, что пишет роман века. Но кроме пустой болтовни никакой иной отдачи от него не было. В ходе развода Наташа отсудила однокомнатную квартирку, и уже одно это было достойной наградой за мытарства с «писателем». Второго своего суженого она отыскала довольно быстро. Сублинная внешность Наташи сражала мужчин среднего возраста наповал. Сорокалетний предприниматель клюнул сразу же и заглотил наживку, как голодный окунь. Он оказался тем, что и требовалось Наташе: всегда при деньгах, обожал свою жену и часто бывал в отъездах.

На деньги супруга Наташа открыла косметический салон и неплохо зарабатывала. Сама она, конечно, в салоне не работала, для этого были профессиональные мастера, но сумела найти, благодаря общей культуре и знанию дела, ту изюминку, которая привлекала многочисленных клиенток. Наташин салон стал своего рода женским клубом для состоятельных дам, до сей поры не принимавших участия в светской жизни.

Полгода назад на какой-то тусовке Наташа познакомилась с Павлом и стала его любовницей. Человек этот оказался под стать ей самой. Денег он имел не меньше, если не больше, чем ее муж, но не деньги привлекали Наташу. Павел был такой же авантюрист, как и она сама. Хотя он не особенно распространялся о своих занятиях, Наташа знала наверняка: Павел – крупная фигура в криминальном мире.

К Наташе Павел относился небрежно-покровительственно, и это одновременно бесило и привлекало ее. Почти каждое свидание заканчивалось скандалом, но следующая встреча начиналась, словно до этого ничего и не произошло.

При всем своем стержневом характере Наташа в душе была доброй девушкой, охотно, очень часто безвозмездно помогавшей знакомым и не очень знакомым людям. При этом она повторяла: «Согрей человека, и он когда-нибудь согреет тебя». А если вдобавок имелась какая-то авантюрная зацепка – ну вот как сегодня – Наташа очертя голову бросалась в омут приключений. И сейчас она приняла решение – отвезти несчастного загнанного парня к Павлу, даже не задумываясь, как тот прореагирует на появление столь странного гостя. Она точно знала, Павел поможет Косте.

– Вернулась, – без особого удивления констатировал Павел, увидев вылезавшую из «восьмерки» Наташу. Он только что вернулся с утренней пробежки. – А это что за чувырло? – удивленно спросил он, указывая на сидевшего в машине Костю – Где ты его подобрала и зачем приперла сюда? Я же просил с посторонними в мой дом не являться!

– Сначала выслушай, – не обращая особого внимания на грозный тон Павла, потребовала Наташа.

– Кого я должен выслушать? Это чудо? Кто он вообще такой?

– Что ты все дергаешься? – вышла из себя Наташа. – Говорю, потолкуй с парнем, наверняка не пожалеешь.

– О чем с ним толковать?

– Узнаешь.

– Ну хорошо, будь по-твоему, раз просишь, хотя все, конечно, довольно странно. Эй, земляк! – обратился Павел к Косте. – Вылезай, разговор будет. Экий ты перебинтованный, как партизан.

– Моя работа, – гордо заявила Наташа.

– Ты у нас, оказывается, на все руки мастер, – язвительно произнес Павел.

– А разве не знал? Ну, я поехала. Мне еще в салон попасть с утра нужно, да и вообще дел полно.

– Интересно, а я, что же, тут с ним останусь? Мне этот подкидыш как-то ни к чему.

– Ты должен ему помочь! – твердо сказала Наташа. – Если у тебя есть ко мне хоть капелька уважения – не откажешь.

Павел сплюнул, но промолчал. Он проводил глазами отъезжающую «восьмерку» и лишь тогда вновь посмотрел на понуро стоявшего Костю.

– Капелька уважения... Ладно, пойдем в дом, земляк, поведаешь свою историю. Давай за мной.

Павел провел его на кухню.

– Садись, – он внимательно посмотрел в лицо Косте, – бледноват ты, братец, да к тому же покорябан. Кофейку?

Павел молча налил большую чашку черного кофе, набухал туда сгущенки, поставил перед Костей:

– Пей... и рассказывай. Только учти, трепя я не люблю и толкую с тобой только из-за Наташки.

Костя отхлебнул чересчур сладкого кофе и начал. При первых же словах ироническая улыбка, игравшая на лице Павла, исчезла, он внимательно смотрел в глаза Косте, но молчал, не перебивая.

– Ну вот и все, – сказал Костя, закончив свое повествование описанием встречи с Наташей.

– Н-да, – Павел вскочил со своего стула и заходил по кухне. – А чем докажешь свои слова? Может, ты по пьянке в канаву свалился, а теперь невесть чего бормочешь?

Костя достал пистолет и доллары.

Павел взял «ТТ», вынул обойму, выщелкал из нее патроны, понюхал ствол, потом мельком взглянул на доллары, кивнул.

– Похоже, не врешь. Значит, парня, который явился к тебе домой, звали Зуб? Так, а эти, в машине, – один рыжий, а второй как выглядел?

– Я его толком не разглядел, темно было...

– Как они друг друга называли?

– Называл только один, который за рулем сидел. Рыжего он величал Вованом.

– Ага. Теперь самое главное. Ты точно не стрелял возле бильярдной?!

– Вы мне не верите? – вместо ответа произнес Костя.

– Ствол пахнет...

– Я же объяснил, выстрелил для проверки возле школы.

– Допустим. Но все равно я не понимаю, почему двоих посредников замочили, а тебя не тронули. Ведь ты – главный свидетель... Хотя не знаешь заказчика, а они, видимо, знали. Я думаю, именно поэтому.

Костя кивнул. Все более-менее сходилось.

– Неясно тут другое, – задумчиво продолжал Павел. – В кого ты якобы стрелял. По описанию я не могу идентифицировать этого человека. Говоришь, кавказец? – Он пожал плечами. – Может быть. Второй момент, почему подрядили именно тебя, а не нашли профессионала? Значит, хотели просто попугать, поэтому первые два патрона были испорчены.

– А почему остальные настоящие?

– Наверное, хотели, чтоб ты уверился, что виноват и не выполнил задание. А бумажки эти подсунили, – Павел указал на фальшивые доллары, – потому что просто так никто тысячей баксов не разбрасывается. Короче, дела твои худы. Тебя все равно будут искать и найдут рано или поздно, уж поверь мне. Я тебе постараюсь помочь.

– Почему? – быстро спросил Костя.

– Это уж мое дело. Сейчас отвезу в один домик, посидишь там пару деньков, а я пока проясню обстановку. Домик тут недалеко. Поехали, пока на дороге никого нет. Нас не должны видеть вместе. Ты вот что – перекуси пока, а я пойду выгоню машину. – Павел достал из холодильника колбасу, сыр, масло, придвинул к Косте хлебницу и вышел.

«Нормальный парень, – решил про себя Костя, – и объяснил все. Теперь стало более-менее понятно. Неясно только, как быть дальше? Однако об этом лучше не думать».

Несмотря на то что у него продолжала сильно болеть голова, Костя кое-как подкрепился, допил кофе и почти тут же почувствовал прилив сил. Даже головная боль, казалось, медленно отступала. На кухню снова вошел Павел.

– Можно ехать, – объявил он, – но прежде давай-ка уладим пару вопросов. Деньги у тебя есть?

– Откуда?

– Эту дрянь, – Павел кивнул на фальшивые бумажки, – советую выкинуть, вон, в печку. Денег настоящих я тебе дам. Вот держи. Тут шестьсот тысяч и сто долларов. На первое время хватит.

– Но как же?! – Костя недоуменно взирал на своего благодетеля. – С какой стати вы даете мне деньги? Я же отдать не смогу?

– Ничего, не обеднею. И не просто сую милостыню, а даю займы. Вернешь при случае... Теперь ствол. Хочешь оставить себе?

– На кой он мне? – Костя отмахнулся, как от привязавшейся мухи. – От него только неприятности. Заберите себе.

– Мне он не нужен, – гнул свое Павел, – а тебе может пригодиться. Когда по пятам идут, негоже без оружия. Пропадешь.

Костя неуверенно взял пистолет, подкинул на ладони.

– Хотя дело твое, – заметил Павел, – по дороге можешь выбросить в речку.

Костя молча засунул «ТТ» в самодельную портупею, взял деньги... Не нравилось ему все это, но что оставалось делать.

– Придем в дом, там живет один старичок, Иваном Ивановичем зовут, он также на кличку Хилый отзывается. Ни о чем не рассказывай, правда, скорее всего и спрашивать никто не будет, однако предупреждаю, сам языком не трепи. От этого зависит твоя жизнь. И как это тебя, браток, угораздило выйти на Наташку? Ничего не скажешь, повезло. Может, какой ангел оберегает... Ладно, поехали.

На дворе стояла сверкающая иномарка, и снова «БМВ». Костя уже начинал догадываться, кем является его новый знакомый. Марка машины только подтверждала его предположения. Но он решил пока помалкивать.

– Садись назад, – велел Павел, – и прикройся на всякий случай. Не хочу, чтобы тебя кто-нибудь увидел. – Он кинул Косте пестрый плед.

Глава 8

ПОД ПОДОЗРЕНИЕМ

Читатель, наверное, уже догадался: таинственный Павел был тем самым Пашей Ледневым, ближайшим подручным Виктора Петровича Лыкова. «Темна вода во облацех», – написано в Библии, но и на земле сплошь и рядом происходят неподдающиеся логике события. Как объяснить тот факт, что Костя оказался в доме Леднева? Случайным ли совпадением или игрой сил, неясных, но грозных, именуемых рок, судьба, карма. Как бы там ни было, встреча их состоялась.

Павел Леднев родился в городе, где происходит действие нашего повествования. Испокон веку жили его предки в городских пределах.

Самому Паше стукнуло тридцать пять годков от роду. Леднев-старший бросил жену и сына, когда Павлу исполнилось десять лет. Куда он сгинул, никто не знал. Говорили, подался на севера за длинным рублем, иные встречали его в Мурманске, в рыбфлоте, а кто-то утверждал: ни на каком он не на Севере, а живет в Москве и работает в одном из министерств шофером.

Как бы там ни было, алиментов от него отродясь не поступало. Впрочем, в этом не было особой необходимости, мать Пашки работала в торговле и к моменту бегства мужа дослужилась до заместителя заведующего крупным продовольственным магазином.

Пашка учился средне, особых дарований не проявлял, но, отличаясь семейными чертами характера, был крайне упрям и злопамятен. В физическом развитии, несмотря на отличное питание, он уступал многим сверстникам, а посему, решив научиться драться, отправился в секцию бокса. В спорте, благодаря опять же характеру, он пробился быстро и ни о чем другом не помышлял, упорно карабкаясь по разрядной лестнице. Скоро стал лидером в своей весовой и возрастной категориях, потом слава молодого боксера вышла за пределы города; одно время он даже входил в юношескую сборную России.

Но максимальных успехов достичь так и не удалось. Случилась маленькая неприятность, очень быстро переросшая в крупную. Как-то в ресторане он подрался с парнем примерно своих лет, причем парень сам затеял скандал. Паша сломал ему челюсть. Дело, в общем-то, обычное. Однако парень оказался сотрудником органов, и не милиции, а значительно более серьезных. И не посмотрели на спортивные заслуги и на крушение карьеры перспективного боксера, вlepили голубю «двушник», и прощай советский спорт!

Благодаря связям матери свой срок он не досидел, но, когда вышел, дела пошли еще хуже. Что делать, куда податься? Ни приличной специальности, ни образования. Пару раз мать пыталась устроить его на работу – первый раз на химзавод учеником аппаратчика, а второй – в аэропорт грузчиком. В обоих случаях был расчет на перспективу роста. Так туманно выражалась мать. Но Павлу было наплевать на «перспективу роста», ему нужно было «здесь и сейчас». Поэтому он предпочитал не работать, общался с разными сомнительными личностями и опускался на дно, прекрасно это обстоятельство осознавая. Хотя пил он умеренно, но все чаще дешевое пойло помогало забыться. Ситуация наступала критическая. Как раз в этот момент и произошла памятная встреча на рынке с Витей Лыковым, с которым когда-то они вместе занимались боксом. Витя, будучи намного старше, завершал свою спортивную карьеру, а Павел только начинал.

Работу искать не пришлось. Его позвал к себе Лыков и предложил интересное, хотя и весьма скользкое занятие.

Павел согласился, даже не размышляя. Так началось их сотрудничество.

Об этом стоило бы написать отдельную книгу, но не в том суть. Последние два года в их отношениях что-то разладилось. Нельзя сказать, чтобы Петрович обижал или тем более унижал Пашу. К своей правой руке нужно относиться очень бережно. Однако Павел чувство-

вал, не он хозяин, не он главный, хотя многие сделки и операции без участия Павла вряд ли состоялись бы. Павел, конечно, имел тоже немало. У него была отличная квартира в городе, шикарная дача, квартира в Москве, две новенькие иномарки, а главное, деньги! И деньги немалые. Но честолюбие разъедало натуру. Ему хотелось быть независимым. Примерно с год Павел мучился, выдумывал несуществующие обиды и оскорбления, наконец решился на разговор с Петровичем. Он потребовал «вольную».

– Вход рупь, выход два, – иронически изрек Витя, – ты же знаешь наши правила.

За иронией слышался прозрачный намек, а намеки Павел понимал с полуслова. Ссориться раньше времени с Петровичем ему не хотелось. Поэтому он выжидал, не предпринимая действий и даже не пытаясь отколоться. А ждать он умел.

То, что он услышал сегодня от парня с перевязанной головой по имени Костя, оказалось в высшей степени любопытным, и сейчас, катя на своем «БМВ» по проселку, он думал только об этом. Казалось бы, все рассказанное Костей подтверждалось. Он знал Зуба, во втором человеке угадал Харю. Рыжий и его напарник Клюка, специалисты по скользким делам, также были ему хорошо известны. Пистолет, фальшивые доллары – все это понятно. Но непонятно другое. Как так получилось, что парень вышел именно на Наташу? Она рассказывала: «Колесо внезапно хлопнуло». А может, это выстрел из-за придорожных кустов? Но самое главное – кто расстрелял ребят у бильярдной? Кстати, тот факт, что совершенно незнакомый человек нанят для выполнения столь ответственного дела, вовсе не удивлял Павла. Давая подобное задание дилетанту, Петрович, видно, просто желал поугагать какого-то неугодного ему типа. Странно другое, почему об операции не поставлен в известность Павел. Петрович вряд ли станет скрывать смерть четырех членов своей группировки, значит, так или иначе должен сообщить, при каких обстоятельствах они погибли. Может, тогда что-нибудь прояснится? Сейчас восемь утра. Петрович ложится за полночь и встает обычно поздно, так что время еще есть. Но не успел Павел об этом подумать, как запиликал сотовый телефон. Он сразу же узнал голос Петровича.

– Паша?! – Шеф был явно взволнован. – Срочно приезжай, форс-мажорные обстоятельства. Жду через полчаса.

Павел прибавил газу и через пять минут подъехал к небольшому домику, стоящему на окраине деревни.

Он нетерпеливо посигналил. Почти тотчас отворилась калитка, и из нее выглянул плешивый старик в телогрейке, линялых тренировочных штанах с пузырями на коленках и тапочках на босу ногу.

– Пашенька! – закричал он в преувеличенном восторге. – Сынок... Сейчас ворота отворю.

– Не нужно, Хилый. Не до этого. Вот тебе гость, – он кивнул на вылезавшего из машины Костю. – Пока здесь поживет. Корми его, пои... – он пошевелил пальцем, предлагая наклониться. – Но, смотри, глаз не спускай. За порог – ни-ни! Головой отвечаешь! Вечером подъеду.

Витя носился по лужайке перед собственным домом, как разъяренный зверь. При виде Павла он вообще впал в буйство, пинком сбросил в пустой бассейн пластиковый стул, излив на «путающуюся под ногами дрянь» поток непечатной лексики. Вообще, матерился Витя редко, но сейчас выдавал виртуозные пассажи.

Павлу показалось: преувеличенная аффектация рассчитана именно на внешний эффект, – и прыжки и гримасы были чересчур фальшивы.

– Выпьем? – неожиданно предложил Витя. Учитывая ранний час, это тоже было на него не похоже.

– Я за рулем.

– А я выпью! – Виктор Петрович убежал в дом, вернулся с бутылкой виски и соленым огурцом в руках.

– По какому поводу? – осторожно спросил Павел.

Петрович отхлебнул виски прямо из горлышка.

– Повод есть! – заорал он – Да еще какой!

Павел ждал.

– Ты садись, – сказал вполне нормальным тоном Витя. – Случилось страшное!.. – вновь завопил он, словно оперный злодей. – Нет, действительно, произошли довольно неожиданные события. – Тон его опять упал до нормального. – Тут закрутилось одно дельце, прямо говоря, пустяковое. Нужно было попугать кое-кого... не нашего, не городского... Залетный фраер. Я тебя даже в известность не ставил... Мелочевка, недостойная внимания. Короче, нашел мне Зуб, ныне покойный, заметь, одного паренька.

Павел высоко поднял брови, выражая удивление, словно слышал о смерти Зуба впервые.

– Нашел, значит, паренька. Сбежал из Чечни, между прочим. Дали ему пушку, два первых патрона «убитые», фантиков под видом баксов и послали пугать фраера. Он все сделал, как надо, но потом началось непонятное. На встрече возле бильярдной, знаешь, в старом парке, он должен был вернуть пистолет. И, понимаешь, была у меня мысль наехать на него, обвинить – мол, туфту прогнал. Он же не знал, что патроны испорчены. Короче, приспособить для какой-нибудь мелочевки. Однако он убивает Зуба, Харю и смывается. Его пас Клюка, он и доложил о развитии событий. Я дал команду: найти урода и убрать. И что ты думаешь?! Он и их... того...

– А ты уверен, что их убил именно он? – осторожно спросил Павел.

– А кто?! – Петрович вновь разъярился.

– Нужно искать.

– Вот и я про то же.

– И еще. Необходимо выяснить, из какого оружия убиты Харя и Зуб.

– Нормальная мысль. Ты всегда подсказешь дельную вещь. – Комплимент прозвучал довольно фальшиво, и Павел понял: его подозревают. Пришедшее на ум оказалось столь очевидным, что Павел похолодел.

– Нужно позвонить в морг, этому, как его...

– Да-да, трупорезу. Пусть узнает... Верно, верно... Потом так. Всем раздать приметы этого пацаненка. Нужно его найти. Ну-ка, звякни в трупарню.

Павел быстро связался со знакомым патологоанатомом. Объяснил – дело срочное. Тот обещал перезвонить через полчаса.

– Подождем, – спокойно произнес Петрович.

– И все же, кто этот, кого нужно было попугать?

– Да какая разница. Никто. Армяшка какой-то или грузин... Точно не знаю. Попросил меня один человек... Я ему очень многим обязан... Одним словом, надо! Его я подозревать в происках против себя не могу. Значит, это либо кто-то из конкурентов, либо... – он не договорил и снова сделал основательный глоток из горлышка.

– «Либо» – это не про меня ли? – не сдержавшись, напрямик спросил Павел.

Петрович удивленно воззрился на него.

– Если уж тебя подозревать? Ты это брось! И как в голову пришло!

– Всякое может быть, – неопределенно сказал Павел.

– Думаешь, последствия того разговора между нами? Ну, когда ты на волю запросился. Ошибаешься, Павел Владимирович. Ты – единственный, кому я полностью доверяю. – Витя пристально посмотрел на своего «зама». – А у тебя, видно, наш разговор из головы не выходит. Зря! Пора забыть!

Тренькнул звонок сотового телефона. Павел достал из кармана трубку. Звонил патологоанатом. Некоторое время Павел внимательно слушал, потом поблагодарил собеседника и посмотрел на Витю.

– Ну что? – напряженно спросил тот.

– У Хари ранение сквозное, у Зуба одна пуля извлечена. Винтовочная, калибр – 7,62; стреляли скорее всего из карабина Симонова или из винтовки Драгунова.

– Так, – Витя потер внезапно покрасневшее лицо, – так... Винтовка Драгунова, снайперская, что ли?

– Точно!

– Значит, пацаненок ни при чем? Тогда почему и его не убрали? Ведь он – основной исполнитель?

– Потому что он не знает заказчика и, как я понял, имел дело только с Зубом и Харей.

– Так ты хочешь сказать, это моих рук дело? – взвился Витя.

– Ничего я не хочу сказать, Петрович. Я просто пытаюсь логически рассуждать. Если, как ты говоришь, дело это пустяшное, то почему вокруг него столько накручено? Либо за парнем кто-то следил, кроме Клюки, либо он знал о месте встречи.

– Знал, не знал!.. Почему их убили?

– Возможно, чтобы дать тебе понять, мол, суешься не в свое дело.

Витя задумался.

– Может, ты и прав, – наконец вымолвил он, – что предлагаешь делать дальше?

– Нужно точно знать, на кого мы наехали?

Витя тяжело вздохнул:

– Конечно, если бы знать...

– Какие будут указания?

Витя отвернулся от собеседника и посмотрел по сторонам.

– Бассейн этот за каким-то хреном построил, – удрученно произнес он. – На кой мне бассейн? Цветочки, елочки, сосны... Чепуха, мышьяная возня, дешевая попытка приблизиться к мировым эталонам... По острию бритвы ходишь, неизвестно, что завтра случится. Ладно. Указания будут такие. Нужно во что бы то ни стало найти пацана. Причастен, не причастен, найти, кровь из носу!

– А с тем, в кого он стрелял, как быть?

– С ним я сам разберусь. Занимайся пацаном.

Павел понял, разговор окончен. Он, не прощаясь, повернулся и пошел к машине.

Задумка, которая и до этого занимала его мысли, однако не имела четкой формы, после разговора с Петровичем оформилась окончательно. С шефом нужно кончать, а то он кончит с ним самим. События вышли из-под контроля. Неясно, откуда исходит опасность. Вот тут-то и надо опередить. На роль исполнителя как нельзя лучше подходит несчастный паренек Костя, которого он до поры до времени будет скрывать в хибарке Хилого. Времени у Павла – два-три дня. Пусть пока Петрович разбирается, кто на него наехал и почему. Павла чужие дела не интересуют. Кто знает о Косте? Наташка да Хилый.

Хилый уже стар, к тому же не жилец. Заработанный в лагере туберкулез так или иначе сведет его в могилу. Процесс можно и ускорить. А Наташка? Ее, конечно, жалко, классная баба... Как раз таких любил Павел. Нужно провести с ней соответствующую работу. Потолковать по душам. Она должна понять, что почем. Для нее же будет лучше оказаться понятливой.

Глава 9

ЯВЛЕНИЕ КНЯЗЯ ПРОЗОРОВСКОГО Оставшись один, Виктор Петрович Лыков присел на уцелевший после приступа ярости стул и задумался. Павел угадал правильно. Витя пребывал в полном смятении. Как все объяснить? Ясно одно: убрал Харю и Зуба профессионал. Любители снайперскими винтовками не пользуются. Пашка, кажется, правильно растолковал – убирает свидетелей, участников цепочки. Почему же профессионал сам не прикончил залетного чурку-кавказца?

Он в мыслях снова вернулся к предыстории событий.

В прошлом году, как раз в мае, Петрович вместе с супругой отправился в заграничный вояж. Он не раз ездил в Европу, но, в основном, с деловыми целями. Сейчас же решил как следует оттянуться, и не где-нибудь, – на Лазурном берегу. Ницца, Монте-Карло – как он знал, в этих местах отдыхают сливки общества.

В марте в город с очередным визитом пожаловал Степа Матусовский. В последнее время он занимался не только поставками фальсифицированной водки. Продукты питания – весьма ходовой товар. Витя давно уяснил этот факт. Под красивой упаковкой может находиться любая дрянь, все равно сожрут. Степа-Композитор гнал любой товар, какой только закажут. Дела шли прекрасно. Вот Витя возьми и скажи:

– Хочу посмотреть, как живут по-настоящему крутые буржуи. Не сможешь ли организовать мероприятие? Не через турфирму или агентство – частным порядком.

– Нет проблем! – ответил Матусовский.

– И отель чтоб самый крутой...

– «Негреско» тебя устроит?

– Это что за фигня?

– Фигня! Сам ты фигня! Самая шикарная гостиница в Ницце, а может, и во всей Европе. Стоит прямо на набережной. В ней останавливаются только богатейшие и знаменитейшие. Например, Горбачев в ней обитал со своей Раисой...

– Один раз живем! – заявил Витя, шумно выдохнув воздух. – Давай организовывай, чтобы по самому высокому классу. Плачу за все!

– Один поедешь или с супругой? – небрежно поинтересовался Композитор.

– С «половиной», естественно, куда без нее? И так уж ноет: «Никуда меня не возишь».

– Не советую, – заметил Степа.

– Это почему?

– Если ты двинешь один, развлечений будет значительно больше, а расходов скорее всего меньше.

– Как это?..

– Ты не представляешь тамошних магазинов, только и будешь слышать: «Дай денег!» А у девочек строго по таксе. И какие там девки!.. – Композитор причмокнул губами.

– Девоч оставим на следующий раз, – изрек Витя. – И вот еще что: мне будет нужен гид. Я по-французски не шпрехаю.

– А по-каковски шпрехаешь? – ехидно поинтересовался Степа.

– Ладно, не нужно меня подначивать. По-русски зато объясняю четко и прямо.

– Охотно верю. Насчет гида можешь не беспокоиться. Любой твой заказ, любая прихоть будут исполнены. Там требуется только одно, – Композитор исполнил свой фирменный жест, пошевелил пальцами, словно пересчитывал купюры. – Так что, готовь бабульки. Получи визу, в любом турбюро организуют, потом я пришлю факс – и вперед!

Композитор не обманул. И вот уже чинно Витя прогуливается по майской Ницце, на которую словно с небес обрушился цветочный дождь. Первые несколько дней даже Витя находился под волшебным очарованием этого сказочного города, похожего одновременно на сливочный торт и на апельсию. Отель «Негреско» оказался даже изысканней, чем можно себе представить. Единственное, что угнетало, – он боялся ненароком сломать какую-либо деталь гостиничной мебели, например, стул, на который, казалось, страшно садиться, настолько субтильно он выглядел. Музейная обстановка, против ожиданий, оказалась достаточно крепкой. И Витя начал подозревать: никакая она не старинная, искусная копия. Дурят, значит, и здесь.

«Стоило ли ради этого тащиться неведомо куда, тратить уйму денег...» – лениво размышлял он, валяясь на роскошной кровати.

Казино в Монте-Карло тоже не особенно развлекало. Ну проиграл пару сотен в рулетку, а дальше-то что? Но дальше произошло весьма интересное событие.

Он сидел в номере один. Жена и дама-гид отправились в очередной обход магазинов, и тут раздался звонок. На ломаном русском языке портье сообщил: внизу месье Лыкова дожидается некий господин.

– Какой еще господин?! – в сердцах пробурчал Витя, но быстро стал одеваться. Он решил: появился Степа и предстоит пьянка – хоть какое-то развлечение. Однако это оказался не Степа.

Портье кивнул на какого-то человека, сидевшего в кресле спиной к нему. Витя обогнул кресло, кинул взгляд и обомлел. Перед ним был Евлампий, видимо явившийся с того света.

Хотя Витя и подозревал, что на самом деле Евлампий вовсе не погиб, у него тем не менее отвисла челюсть.

– Не может быть?! – произнес он вслух.

– Почему же не может, – улыбаясь, отозвался Евлампий, – очень даже может! Обниматься не будем, тут это не принято, к тому же не стоит привлекать внимание.

– Вы живы?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.